

INSPIRIA

ЙЕНС ЛИЛЬЕСТРАНД

ДАЖЕ
ЕСЛИ
ВСЕМУ
ВСЕМУ
ПРИДЕТ
КОНЕЦ

INSPIRIA

Йенс Лильестранд

Даже если всему придет конец

Серия «Loft. Эко-роман»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69272140
Даже если всему придет конец: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-187884-9*

Аннотация

Бестселлер от шведского автора Йенса Лильестранда. Роман в жанре будничного апокалипсиса о том, что даже глобальным кризисам и экологическим катастрофам подчас не удастся затмить личные маленькие драмы людей. Впервые на русском языке.

Полыхают леса. Половина Швеции охвачена огнем. Города и деревни эвакуируют. Климатическая катастрофа вырывается за рамки самых худших кошмаров. И все же жизнь должна идти своим чередом: подростки продолжают влюбляться, браки по-прежнему трещат по швам, а родители не могут найти общий язык с детьми, даже когда реальность разрывается на части.

Избалованная девочка-подросток, модная инфлюэнсерка, проповедующая радость жизни, заикленный на своих комплексах юноша и образцовый отец семейства, неукоснительно соблюдающий принципы разумного потребления – все эти люди становятся свидетелями и участниками климатического

апокалипсиса, но даже ему оказывается не под силу затмить их ежедневные личные драмы.

«Остроумная и увлекательная книга. Лильестранду прекрасно удастся одновременно поговорить о насущном и развлечь». –
Фредерик Бакман

Содержание

1. Первый день остатка твоей жизни	6
Понедельник, 25 августа	12
Вторник, 26 августа	129
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Йенс Лильестранд

Даже если всему придет конец

Copyright © Jens Liljestränd 2021

© Братова Н., перевод на русский язык 2023

© Издание на русском языке, оформление,
ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

* * *

Посвящается Туве

Конца не будет. Думать, будто что-то закончилось, – только себя обманывать. Всякий конец – начало. Вот оно.

Хилари Мантел. Введите обвиняемых¹

¹ Перевод Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко. М. Иностранка, Азбука-Аттикус. 2020.

1. Первый день остатка твоей жизни

В последний раз я был счастлив, когда мы стояли в магазине. Наконец-то сняли все ограничения, мы сели в машину и отправились с детьми в район загородных торговых центров, где по сторонам от кругового движения расположились «ИКЕА», магазины электроники и бытовой техники, большой продуктовый супермаркет, а дальше за ним магазин, который она отыскала, – последний обычный магазин таких товаров в бытность, когда все перекочевало в интернет, и нам хотелось попасть туда, в это пространство, чтобы опьянеть от ожидания нашего ребенка.

Карола стояла в углу, где были выставлены коляски, на ее лице читалась отстраненность сродни той, что проступает на лице человека, ступившего в святая святых конфессии, о которой он слышал, но к которой никогда не принадлежал. Изрядно отяжелевшая, она чуть покачивалась, а дети, у которых скоро должна была появиться сестренка, носились тем временем между стеллажами с плюшевыми мишками и одеяльцами цвета розового фламинго и пастельно-голубых оттенков, пеленальными столиками, люльками и кроватками, стойками с сосками, маслами и бутылочками; там были молокоотсосы, бюстгальтеры и рубашки для кормящих мам,

кресла для кормления, там были развивающие деревянные игрушки, электронные приемники и передатчики, позволяющие услышать, если ребенок проснулся, или наблюдать за спящим младенцем, а еще считывать температуру и уровень содержания углекислого газа в воздухе в комнате, где находится малыш.

Дети вдруг остановились посреди магазина.

– *Ого!* – воскликнули они. – *Ого, смотрите!*

Они указывали на ряды малюсеньких хорошеньких боди, шапочек и немыслимо крошечных носочков, в этих миниатюрных вещичках улавливалась какая-то – почти невыносимая – беззащитность, дети стали щупать ткани, зарываться носами и вдыхать их запах так, словно это был ребенок, словно их сестренка уже находилась с нами, а мы с Каролой переглядывались через магазинные полки и улыбались, думая, что правильно сделали, приехав в этот оголтелый центр коммерции вместе с детьми, чтобы они поняли, своими глазами увидели и на кончиках собственных пальцев ощутили мягкий фланелевый ветерок, который совсем скоро ворвется в наши жизни и навсегда изменит их, и я услышал свои же слова: *берите все, что хочется.*

Мое семейство посмотрело на меня в замешательстве, мы же собирались только взглянуть на коляску, чтобы было с чем сравнивать перед покупкой подержанной, мы всегда все покупали с рук. Карола успела даже заметить что-то по поводу нашего углеродного следа и напомнить про двоюродную

сестру, у которой дочь уже почти выросла из многих вещей, но я просто ответил на это: *«Пожалуйста, один-единственный раз, очень вас прошу, берите все, что вам хочется»*.

Карола так и осталась стоять на месте и с беспомощным видом смотрела на детей, пока те, то и дело восторженно вскрикивая, с сияющими глазами набирали охапки игрушек-комфортеров и слингов, а заодно прихватили огромный развивающий коврик из серо-голубого кашемира. В конце концов она тоже стала оглядываться по сторонам и расспрашивать сидевшую на кассе даму о текстильных подгузниках, экоматериалах и климатически нейтральной одежде² с маркировкой справедливой торговли³, о том, нет ли у них ванночки с *чуть* меньшим содержанием пластика, интересоваться, где выращивался хлопок, из которого сшита эта чудесная подушечка в горошек, и, что бы она ни выбирала, это стоило раза в два дороже всего остального. Я рассмеялся и взял тележку, а пока Карола стояла ко мне спиной, достал телефон и перекинул еще денег на счет.

Когда корзины были набиты до предела, а восторг перед

² Статус «климатически нейтральной» означает, что производитель одежды рассчитывает выбросы углерода, образующиеся при ее производстве, и компенсирует их, вкладывая часть прибыли в проекты, направленные на борьбу с изменением климата. – *Здесь и далее прим. перев.*

³ Маркировкой «Справедливая торговля» (Fair Trade) отмечают товары, соответствующие особым стандартам, среди которых запрет детского и рабского труда, гарантии безопасности рабочего места, соблюдение прав человека, прозрачная цепочка поставок, а также цена, учитывающая стоимость продукции и заботу об окружающей среде.

окружавшей нас милотой дошел до полного пресыщения, мы с ней вернулись обратно в отдел колясок, и теперь нам уже ничего не оставалось, кроме как взять французскую модель класса люкс, показавшую себя лучшей в потребительских обзорах, на разработку шасси которой ушло пять лет. Мы выбрали, из какой ткани будет люлька-переноска, нашли козырек и чехол-дождевик, подобрали держатель для мобильного телефона, подстаканник для напитков, крепление для сумки – взяли все имевшиеся в наличии аксессуары.

Дама на кассе пробила покупки и каким-то немыслимым образом сумела подобрать пространные выражения, чтобы объяснить нам, что *в случае чего* мы сможем вернуть коляску и получить деньги обратно, и, несмотря на ее беззаботный и радостный тон – *нам нужна от вас всего лишь коротенькая справочка*, – ощущение было такое, будто все вокруг замерло и у нас перед глазами пронеслись кровавые подтеки на стульчаке в туалете, поездка в воющей машине «Скорой помощи», детский гробик, усталый старый гинеколог с морщинистым лицом, который протирает очки и выписывает *коротенькую справочку*, представилось, как придется снова ехать сюда, в этот нелепый храм торговли, и везти с собой коляску из красивой дизайнерской ткани с кожаными вставками коньячного цвета на ручке, и я услышал, как кассирша прошелестела в тишине, что *в случае чего мамочке самой надо будет все это сделать*.

Но и эта тревога схлынула, прошло и это мгновение, и

осталась только сумма, ряд цифр на экранчике кассового аппарата, размер ее слегка превышал стоимость моего первого автомобиля.

– Оформим кредит? – поинтересовалась дама с приветливой лучезарной улыбкой, и, посмотрев по сторонам, я впервые увидел других пап: пребывающего в стрессе футболиста в болельщицкой майке, эмигранта в помятом костюме, мужика в кожаной куртке и скрепленных липкой лентой очках – и понял, что так здесь все и устроено. Народ ради таких покупок влезает в долги, выплачивает смс-кредиты, процентные ставки, начальные платежи, пени за просрочку платежа, люди сидят у себя в тесных окраинных кварталах больших городов и наскребают каждый месяц из зарплаты на плюшевых мишек, одеяльца, детские коляски, и вот тут я почувствовал, как во мне пробуждается гордость.

– Нет-нет, – ответил я, протягивая банковскую карту, – я оплачу все сразу.

И Карола, стоявшая рядом со мной, положила руку мне на лоб, словно у меня жар, и пробормотала, что мы могли бы посмотреть в других магазинах, может, получится найти почти новую коляску в интернете, но я только ощущал ее руки у меня в волосах, ее пальцы у меня на затылке, слышал *«ты не против, ты уверен в этом»*; она касалась меня, она наконец-то касалась меня, я не мог припомнить, когда в последний раз она меня касалась, *«все в порядке, милая, я разберусь»*, и потом ее взгляд, то, каким она видела меня в тот

момент, когда все было прощено, все стало идеальным и таким офигенно заслуженным.

Понедельник, 25 августа

Пятнышко между линией роста уже сейчас густых темных волос и гладью лобика, слишком высокого за счет рельефа черепной кости, – заросшая пушком расплывающаяся отметина, которая временами, а особенно в тепле и сумраке, вот как сейчас, норовит переместиться куда-то за висок, или за ушко, или же к родничку, а то и вовсе на затылок, – в это пятнышко я зарываюсь носом и втягиваю запах мягкой бархатистой кожи и впитавшегося в нее сладкого молока, по прошествии пары дней запахок становится чуть резче, напоминает аромат вызревшего сыра и исчезает только после купания. Я ощущаю вес в моих руках, девочка словно куль теплого молотого фарша, на ощупь похожа на маленькую свежую сарделечку, синюгу, добротню набитую начинкой, аккуратно заложенной внутрь влажными руками, чтобы не лопнула нежная оболочка, в ее маленьком теле все гладко и не напряжено, никаких мускулов и выпуклостей, и в полудреме стираются границы между ней и мной, остается лишь дыхание и мягкая, теплая, липнущая к телу кожа, она совсем голенькая, в одном только подгузнике, вот уже несколько месяцев она спит без пижамки – слишком жарко.

Бекка доела свой рожок, срыгнула мне через плечо, и мы с ней успели задремать, когда первые звуки сирен выплыли из нашего сна, они послышались сначала в отдалении, слов-

но вовсе не имели к нам отношения, напоминая писк посудомойки или сушильной машины, которая закончила свою работу, – непримечательная часть будничного шума; через полминуты вой сирен стал отчетливее, прорвавшись сквозь оболочку, сквозь окружающий нас пузырь безопасности.

– Наверняка просто кто-то подложил бомбу в автомобиль, – говорит Карола, стоя спиной ко мне. Это наша старая шутка со времен учебы в Мальмё. Пара, с которой мы тогда дружили, жила неподалеку от района, где беспорядки, криминальные разборки часто происходили прямо у тебя под дверью, девушка, старшая в этой паре, была откуда-то из деревни и всякий раз жутко пугалась, а ее подруга, родившаяся и выросшая в Мёллевонгене⁴, излучала типичное для жительницы Мальмё томное и непоколебимое спокойствие, чего стоило это ее постоянное пожимание плечами в стиле *«ой, ну что там еще»*, она с явной гордостью расписывала, как научилась видеть в социальных проблемах *«естественную составляющую урбанистического городского пейзажа»*, ведь только расисты жалуются на преступность и насилие, *«...если ночью где-то грохочет, это же не обязательно перестрелка»*, – продолжала она, презрительно скривив верхнюю губу, украшенную пирсингом, – *чаще всего это просто кто-то подложил бомбу в автомобиль»*. После их ухода мы посмеивались над ее показной маскулинностью, и с тех пор любые ночные шумы стали для нас *просто бомбой в авто-*

⁴ Район Мальмё.

мобиле.

Сирены приближаются, они, наверное, уже на чьих-то подъездных дорожках, может быть, направляются к одиночному старикану, который живет в синем доме, к тому, с псориазом по всему лицу, ему уже лет за семьдесят. Но ни «Скорая», ни полиция, наверное, все-таки не включают сирены, когда приезжают в случае смерти от естественных причин...

Я кладу Бекку на кровать, она морщится, вскидывает ручки, маленькое тельце выгибается дугой, я опускаю ноги на старый деревянный пол, встаю и подхожу к распахнутому окну. Уже не так жарко, как вчера, на улице, пожалуй, градусов тридцать, да и ветерок приятно задувает, я вижу, как раскачивается верхушка высокой сосны и как ее клонит на ветру. Жара спала, ее сдуло ветерком, и на улице наконец-то не так душно.

– Сегодня будет отличный денек, – говорю я, ни к кому конкретно не обращаясь.

В детской царит тишина, я стучусь и открываю дверь, дети лежат каждый в своей кровати, обложившись экранами и наушниками, а в воздухе такой тяжелый дух несвежей одежды, конфет и маленьких разнеженных тел, что, кажется, можно резать его ножом; я на автомате прошу их выключить все и спускаться, уже пол-одиннадцатого. Вилья, как обычно, с недовольным видом пялится на меня, а вот Зак обрадован – весь сияя от радости, он протягивает мне на обозрение стеклянную баночку с его ночного столика. В ней рядом с зубом

лежит, посверкивая золотом, монетка.

– Зубная фея приходила и положила десятикрановую монетку мне в банку!

– Неужели? Но зуб остался?

– Да, она же знает, что я их коллекционирую! Что я их сохраняю!

– Это же просто фантастика!

– Папа?

Он улыбается сладкой, чуть преувеличенно радостной улыбкой, которая появилась у него с тех пор, как родилась Бекка и он перестал быть самым младшим в семье, он вполне отчетливо понимает свою детскость, знает, что делает что-то такое, для чего уже немного великоват, и это его маленькое представление, он разыгрывает его, чтобы вновь почувствовать себя малышом.

– Папа, как ты думаешь, а в Таиланде зубные феи тоже живут?

Я треплю его взмокшие волосы, подыгрываю умильному спектаклю, может, потому что и мне самому это тоже надо.

– Ну конечно, мой хороший. Она как Санта-Клаус, летает повсюду, только вместо оленей у нее...

– Зубные тролли!

– Да! Зубные тролли, которых она... изловила. Чем же она их?.. – На раздумья у него уходит не больше секунды. – Зубной нитью!

Мы оба улыбаемся этой нашей общей выдумке, оба оди-

наково очарованы смехотворной картиной: зубная фея в коляске – сконструированной из выпавших зубов? слепленных между собой зубной пастой вместо клея? – которую тащат несколько злющих, но сильных троллей; мы с ним часто так делаем, делали, когда он был маленьким: часами могли придумывать всякие истории, и мне не раз приходило в голову, что надо бы начать их записывать, но руки до этого у меня, конечно, так ни разу и не дошли.

Внизу на кухне все осталось с вечера как было: кастрюли, сковородки, грязные тарелки и винные бокалы – вечно мы забываем приберечь воды для мытья посуды. Разложенная «Монополия» с горами банкнот напоминает о том, как Карола позволила детям выиграть и как мы после этого поссорились, меня ее поступок возмутил, я завел разговор о правилах и последствиях, что, мол, ладно Зак, ему десять, но когда человеку четырнадцать, как Вилье, пора бы понимать, что нельзя просто взять охапку денег из банка, когда свои закончились, а она сидела и улыбалась этой своей скорбной, удрученной улыбкой и говорила, что *«в свое время девочка узнает, как все устроено при капитализме, этого, увы, не избежишь»*.

На автомате проверяю кран. Слабый шум, как и прежде, ничего не изменилось. Он раздражает меня меньше, чем обычно, – у нас есть бутилированная вода, сок для детей и пиво для нас. Писать можно за деревом, одежду полоскать в озере, посуду салфеткой вытирать. Но вот что меня дей-

ствительно угнетает, за что я бы и рад заплатить, лишь бы избавиться от напасти, так это какашки, плавающие в унитазе, который медленно наполняется дерьмом, бумагой, потом снова дерьмом, мы пытаемся напоминать детям, что всегда поможем им воспользоваться горшком, но Зак об этом вечно забывает, а Вилья вообще игнорирует, в итоге мне приходится вычищать всю эту пакость при помощи кастрюли и ведра для мытья полов, заткнув уши музыкой, впуская воздух через рот и поставив мозг на паузу.

Зак уже внизу, напялил купальные шорты, уже несколько недель ничего, кроме них, не носит, я даю ему стакан молока и наблюдаю за тем, как он пьет. Потом мы отправляемся в путь, он бежит вприпрыжку впереди меня по узенькой грунтовой дорожке, почти белой от пыли, сухой теплый ветерок обдувает руки и ноги, как свежевывстиранные простыни, чудесное летнее утро, золотистые кусты, неухоженные, заросшие травой лужайки, чахлые клумбы, ясное голубое небо и тишина, повсюду полная тишина, совсем недавно надрывались сирены, а теперь ничего.

Старикан не умер, он стоит себе и щурится на солнышке, пока мы спускаемся к мосткам, ветерок треплет ткань его тонкой серой ветровки, красные с белым струпья на лице не так заметны, во всяком случае, они меньше, чем мне помнится, – солнце помогает залечивать такое.

– Не уехали? – произносит он, в словах сквозит почти раздражение.

– Вообще-то нет, – отвечаю я. – Мы сдаем наш дом на лето, так что...

– Не уехали, – повторяет он все тем же укоризненным тоном. – Остальные соседи в выходные разъехались.

– Да, вообще-то все неплохо. – Меня раздражает старикан, но еще больше – моя собственная реакция, желание оправдаться, как будто я нуждаюсь в его одобрении. – Детям может быть полезно посмотреть на последствия собственными глазами. Все ведь так абстрактно, когда им об этом только в школе рассказывают.

Зак беспечно пробегает мимо соседа на маленький песчаный пяточок рядом с мостками и принимается искать наши вещи. Под старой разохшейся скамейкой лежат надувной дельфин и плавательный матрас, с которыми мы обычно купаемся, а кроме того – небольшая косметичка с экомылом и шампунем, безвредными для пользования на озере, Заку нравится мыться во время купания, нравится мыльная пена, покачивающаяся на волнах. *«Папа, давай помоем голову»*, – горланит он, окидывая пустое озеро гордым взглядом ребенка, получившего вдруг во владение отель в Дипломатстадене⁵ и три дома на Норрмальмсторг⁶. Старик смотрит на мальчика, который носится кругами по берегу. Едва заметно

⁵ Один из кварталов центрального района Стокгольма с самой дорогой недвижимостью, Эстермальма. В Дипломатстадене располагаются многие резиденции и посольства.

⁶ Площадь в Норрмальме, одном из центральных районов Стокгольма, близ которой находятся штаб-квартиры и офисы крупных банков и компаний.

качает головой:

– Вы что, не в курсе?

Он поднимает руку над головой и указывает себе за спину, в сторону озера, вперившись в меня тяжелым взглядом:

– Не видите? За ночь на несколько километров продвинулся.

Озеро, волны, пена чуть в отдалении. На той стороне лес, зелень вперемешку с желтыми и бурыми пятнами. А еще дальше, меж верхушек деревьев, – темное облачко на пустом небосклоне, оно похоже на грозное, только все время меняет очертания, клубится и завихряется.

Старикан шумно втягивает воздух раздувшимися ноздрями, и я рефлекторно делаю то же самое. В носу пощипывает.

Дым.

Зак уже сидит на краю мостков, он обнимает надувного дельфина и беседует с ним, эта его вечная ребячливая болтовня себе под нос; воздух из игрушки почти совсем вышел, так что дельфин сложился галочкой в руках сына.

* * *

Целый час я чувствую себя по-настоящему живым – впервые за долгое время. Есть во всем происходящем дух приключения, я делаю селфи с Заком на фоне озера, пишу: *«Там, в лесу, пожар. Пора сваливать – теперь мы тоже климатические беженцы. Грустная, но правда.»*

*#climatechange*⁷». Выкладываю пост, тотчас же высказывают сердечки, эмодзи и сообщения типа «где вы?» и «бог мой, чем вам помочь?». Мама Каролы звонит, чтобы перечислить все ценное, что нужно погрузить с собой в машину *на случай чего*, звонит ее сестра, ее подружки, мне же не звонит никто. Я чувствую, что сконцентрирован, готов к действию, сообщаю старшим детям, что у них есть ровно полчаса на сбор сумок, и поручаю Вилье помочь младшему брату собраться, а еще поставить на зарядку все наши мобильники и пауэрбанки, прошу Каролу подготовить вещи для Бекки: бутылочки, одежду, подгузники, ведь может случиться так, что до магазина или туалета мы доберемся еще нескоро. Семья подчиняется моим приказам, не выказывая и намека на недовольство, впечатление, словно мы совершенно инстинктивно обращаемся к нашим самым примитивным ролям. Я залезаю в интернет, запоминаю самые удачные маршруты, читаю сообщения службы спасения. Включаю радио, настраиваюсь на местный канал, где говорят, что пламя в два раза выше любого собора; происходящее буквально потрясает, напоминая апокалипсис, и мы в его эпицентре. Карола спускается, неся наш чемодан и большой икеевский мешок, она слегка касается моего плеча и целует меня на ходу – *мы же справимся?* – и я замечаю, что она чувствует то же самое: все это сближает нас каким-то новым, чудесным и вызывающим выброс адреналина образом.

⁷ Изменение климата (англ.).

Поток эсэмэсок и лайков не иссякает. Я отправляюсь к машине, чтобы сложить вещи, мне звонят с радио, какой-то задерганный продюсер спрашивает, не против ли я, чтобы у меня взяли интервью, и вот я уже в прямом эфире.

– Дидрик фон дер Эш, в обычной жизни консультант по связям с общественностью, находится сейчас вместе со своей семьей в охваченном пожаром районе к северу от озера Сильян. Дидрик, расскажите, что у вас там сейчас происходит?

– Ну, мы приехали в Даларну несколько недель назад пожить в загородном доме теици, понемногу тут становилось все сложнее находиться из-за жары и засухи, а теперь вот мы узнали, что в целях безопасности нам следует незамедлительно уехать.

– Дидрик, вас устраивает, как власти информируют о ситуации?

Я подключаю гарнитуру и начинаю закидывать вещи в багажник, продолжая отвечать на вопросы, резкие движения заставляют меня говорить немного более отрывисто, что придает интервью дополнительный драматизм, я говорю:

– Простите, что звук такой, но я тут вещи в машину складываю, нам надо поскорее отсюда выбираться... информируют... ну, смотря о чем вы. Разумеется, нас проинформировали о том, что нам нужно уезжать и все такое, но если смотреть в более широком плане, то эта экстремальная жара – следствие климатического кризиса, о ко-

тором власти всех западных держав знали уже несколько десятилетий и ничего не делали, и вот об этом, я считаю, нас могли бы ИНФОРМИРОВАТЬ получше, я имею в виду не сейчас, а десять, двадцать или тридцать лет назад, могли хотя бы ПРОИНФОРМИРОВАТЬ, что государство не собирается исполнять главнейшую из стоящих перед ним задач, то есть защищать мировое сообщество от длинной череды весьма предсказуемых катастроф.

Я наслаждаюсь беседой, смакую слова, складываю коляску, водружаю ее поверх остальных вещей в багажнике. Потрясенная дикторша в студии молчит, она выдерживает небольшую театральную паузу, прежде чем произнести:

– Дидрик, но вы, похоже, вполне собранны, несмотря на всю серьезность ситуации?

– Да, мы, конечно, отлично справимся со всем, наше имущество застраховано, не то что у людей из бедных стран, где жертвами климатической катастрофы ежегодно становятся миллионы, в индийских и африканских мегаполисах, например, где не осталось воды, в западной части США и Канады, где отдельные штаты, по сути, выгорают дотла. Может, у нас в Швеции должно случиться нечто подобное, чтобы мы наконец очнулись и поняли, к чему все идет.

Меня благодарят за уделенное время и напоминают:

– Итак, с нами был Дидрик фон дер Эш, который вместе со своей семьей эвакуируется из загородного дома в Да-

ларне в связи с масштабным пожаром к северу от озера Сильян, территории, над которой спасательные службы, по их утверждению, утратили контроль, а мы переходим к...

В этот момент я даю отбой и захопываю крышку багажника с громким стуком, на который эхом откликается тишина.

Ни птиц. Ни автомобилей. Только ветер шумит в деревьях.

Я снова залезаю в телефон. Куча новых лайков, но ни одной эсэмэски. Все, наверное, решили, что мы уже в пути.

– Вы там как, готовы выезжать? – кричу я в направлении дома и испытываю гордость за то, как непринужденно звучит мой вопрос.

Вилья и Карола с Беккой на руках выходят из дома, мы сажаем малышку на заднее сиденье и пристегиваем ремнями в детском автокресле. Зак стоит в прихожей со своим рюкзаком, украшенным Спайдерменом, я уже собираюсь отвести сына в машину, как вдруг замечаю, что он плачет, молча, сдерживая рыдания, это на него не похоже. Я присаживаюсь перед ним на корточки:

– Что такое, дружок? Ты что, испугался? Все хорошо, мы сейчас поедem.

– Не могу найти.

Я беру рюкзачок, ощупываю содержимое – в нем полно одежды, книжек, во внешнем кармане угадываются жесткие края планшета.

– Да ведь все там, ты хорошо собрался.

Две крупные слезинки параллельно стекают по щекам.

– Монетку. И зуб. Я везде посмотрел, а Вилья говорит, что нельзя больше искать, а то мы все заживо сгорим.

– Нет, Закариас. Никто не сгорит заживо. Мы просто немного раньше уезжаем домой, это ведь не так плохо? Пойдем садиться в машину. Что будем слушать? «Призрак оперы»? Или снова «Волшебную флейту»?

На его лице застыла гримаса смятения и упрямства.

– Монетка. И зуб. Я же хочу его сохранить.

Слышно, как за спиной открываются дверцы машины, Карола и Вилья уже собираются садиться.

Я встаю, чувствую, как свело ноги, как заныла спина. И зачем только я завел третьего ребенка?

– Ладно, мой хороший, тогда давай подумаем: он же был у кровати, когда ты сегодня проснулся, так?

Но вся эта ерунда с правильным подходом без толку, нет никакого смысла бродить по дому, тут и искать-то негде: детская комната, наша спальня, ванная, да еще крохотная кухонька и комната на первом этаже – вот и все, за пару минут обойдешь. И я по Заку вижу: он сам это знает, только сказать не решается. Слишком напуган.

Его маленькая худенькая фигурка на мостках, шампунь и надувная игрушка – он сидел на самом краю, когда увидел облачко и дым на той стороне озера, замер, потом повернулся посмотреть на меня в поисках утешения или защиты, и на

какой-то краткий миг, прежде чем я осознал, что именно показывает мне старикан, прежде чем составил план, я не смог его поддержать, я был так же потерян, как и он сам.

– Я хотел показать зуб дельфинчику, – хлюпает он носом.

– Ну конечно, хотел.

– И зуб теперь там, сгорел.

– Ничего подобного. Он лежит себе в банке и ждет, когда ты снова сюда приедешь.

Зак кивает, уставившись в землю. Молча идет к машине со своим рюкзачком.

Карола сидит на заднем сиденье с открытой из-за невыносимой жары дверцей и вопросительно смотрит на меня:

– Он забыл свой зуб у мостков на озере.

То ли из-за промелькнувшего в ее глазах страха, то ли из-за того недавнего мгновения, когда она спустилась с икеевским пакетом и поцеловала меня так, что между нами пробежала искра, я говорю: «*Пять минут, ладно?*» Затем, не дожидаясь ответа, быстрым шагом отправляюсь той же тропинкой, какой столько раз хаживал прежде за земляникой, черникой, газетами в почтовом ящике, держа за руку моих малышей в халатах, спасательных жилетах, попахивающих мочой пижамах и дымке снов, которые непременно нужно рассказать, пока они окончательно не рассеялись и не исчезли.

Старик все там же. Он сидит на обшарпанной деревянной скамейке и смотрит вдаль, за озеро. Небо над нами приобрело почти такой же оттенок серого, что и его куртка, а по ту сторону превратилось в темное мохнатое покрывало, оно вздувается, увеличивается, час назад дым походил на туманное перышко, теперь же он разошелся по небосклону, сгустился, от него веет ужасом.

И воздух. Такая гарь, что глаза слезятся.

– Эй, – говорю я, – пора ехать.

Он с усилием поворачивается и смотрит на меня:

– Забавно, в прошлый раз меня хотели заставить остаться дома. Я полтора года провел взаперти. Ни с кем не встречался, даже с соседями. А теперь все наоборот. Теперь мне нельзя остаться тут.

По интонации и хорошо подобранным словам понятно, что он заранее подготовил эту речь, вероятно, я не первый, кто его об этом спрашивает, или же у него был долгий телефонный разговор с детьми или внуками, и вот теперь он снова проявляет упорный напыщенный стоицизм, какой бывает у пожилых людей его породы.

– Никуда я не поеду. Вот мой дом. Я с тысяча девятьсот семьдесят четвертого года сижу на этом озере каждое утро. Никуда мне ехать.

– Я думаю, нам с вами...

– К тому же на мою машину наложили запрет на пользование, – добавляет он с ухмылкой. – Техосмотр не прошла. Сразу прав лишат, если остановят.

– Хватит вам, – повторяю я. – Наверняка кто-нибудь придет и заберет вас.

– Полиция вот только что заезжала, к домику подходили, в дверь стучали. А я ушел подальше. Сам о себе позабочусь.

Пафос, с каким старикан, гордо кивнув, поворачивается ко мне спиной и вновь принимается смотреть на пустынную гладь озера, почти невыносим, все это напоминает поведение алкаша, который в пятый раз за вечер пытается зайти в пивную, такой вот разрыв между тем, что я вижу в его представлении (капитана на мостике океанского лайнера, который идет ко дну вместе со своим кораблем), и тем, что я вижу на самом деле (старого хрыча с придурью, который ставит палки в колеса службе спасения).

Я спускаюсь на мостки. Стеклянная банка стоит на самом краю, у лесенки, спускающейся в воду, термометр, как обычно, покачивается на воде, удерживаемый нейлоновым шнурком, которым он привязан к одному из колышков, и у меня возникает внезапный порыв посмотреть, сколько там. Двадцать девять градусов. Дельфина нигде не видно, наверное, ветром унесло.

Я смотрю на опушку леса. Дым из серого стал угольно-черным. Между верхушками деревьев взвиваются языки

пламени. В небе сплошная мешанина из гари, пепла, красных всполохов, марева, сквозь шум ветра мне слышно, как потрескивают горящие деревья и кустарник.

Быстро развернувшись, иду назад.

– Идемте же, – повторяю я соседу. – Уместимся как-нибудь в машине, вы не можете здесь оставаться, сами же понимаете, неужели обществу придется попусту тратить время и ресурсы ради того, чтобы вас...

Он не двигается с места, а я делаю шаг в сторону скамейки и протягиваю руку. Его дряхлая плоть цепенеет, можно заметить, как под одеждой жилистое тело внезапно напрягается. Представляю, каково это – поднимать его со скамьи, вести, тянуть, волочь на себе к нашему дому и к машине, в которой уже разместились трое детей и весь наш багаж.

Раздается хлопок. Громкий. Звук не похож ни на что, слышанное мной прежде, оглушительный раскатистый гром эхом разносится над озером.

– Автомобильное колесо, – поясняет старик, и на его морщинистом, покрытом псориазом лице проскальзывает улыбка. – Так хлопает, когда они на жаре взрываются. За несколько километров слышно.

Я крепко зажимаю в руке банку. И пускаюсь бегом.

* * *

Бекка плачет, солнце стоит в зените, ветер утих, и стало

совсем жарко, все еще не как вчера, но близко к тому. Карола кормит ее смесью из бутылочки, не вынимая из кресла, в таком положении это никогда не получалось: угол не тот. Бекка проливает мимо, пускает слюни и пьет жидкость маленькими злыми глотками.

– Держи, – говорю я Заку, пытаюсь улыбнуться, и он принимает банку в вялом молчании, съежившись на своем липком заляпанном сиденье, но потом начинает тщательно проверять, на месте ли монетка и зуб.

– Старикан сидит там, внизу, – сообщаю я Кароле. – Отказывается уезжать.

– Но так же нельзя. По радио сказали, что всем нужно покинуть территорию. Все должны направиться в Эстбьёрку или Ованмюру.

– Он не хочет.

– А ты пробовал его уговорить?

Я смотрю на нее тем взглядом, который она часто припоминала мне на парной терапии, взглядом, говорящим, что я (именно в этот момент времени) считаю ее совершенно никчемной идиоткой, а годы, проведенные вместе, величайшей ошибкой моей жизни, эта холодная пустая ненависть, которая разрушила так многое, взгляд, который только и может заставить ее замолчать, и она замолкает, смотрит в сторону.

– Да, Карола, – произношу я преувеличенно медленно и внятно, – *естественно*, я сказал ему ехать с нами, но он от-

казывается, и я буду *только за*, если ты спустишься туда и попробуешь сама его уговорить.

– Я кормлю Бекку, – жестко отвечает она и смотрит вниз на ребенка.

Этот ее вечный козырь. Я вздыхаю, пытаюсь мыслить рационально. Сажусь на водительское место и пристегиваюсь.

– Ладно, поедем к озеру. Если он еще там, попробуем вместе его уговорить. Может, ему будет сложнее отказать нам при детях, используем их в качестве рычага давления. Откажется – придумаем еще что-нибудь. Идет?

Она кивает, сначала сдержанно, потом ее отпускает, и ей удается поднять на меня глаза и прошептать: *конечно, идет*.

– Это тот дедушка, который живет в старом доме по соседству с тем, где раньше жили Элла и Хуго? – внезапно интересуется Вилья. – Такой совсем старенький старичок? Он что, сгорит? И вы его не спасете?

– *Нет*, – отвечаем мы в один голос, а Карола продолжает: – *Но пожара здесь не будет, милая, нас всего лишь просят быть осторожными*. – И я добавляю, что *мы только хотим, чтобы тем, кто тушит пожар, не пришлось его искать*.

И пока мы все это говорим, я нажимаю на кнопку запуска, но машина не заводится.

Она не заводится.

Я так настроен на то, что она заведется, она всегда заводится, мысленно я уже на трассе, слушаю сообщения по радио, обхватив руками прохладный надежный руль (и приказ-

ным тоном одергиваю Вилью, когда она пытается поменять канал), меня обдувает струя свежего воздуха, навигатор показывает кратчайший маршрут до Эстбьёрки или Ованмюры, раз уж нам туда надо, а может, мы просто едем напрямик до Реттвика, а оттуда в Стокгольм. Возможно, мне удастся найти трансляцию того интервью, что я давал на радио, и записать его для детей через блютуз, пусть послушают, как папа говорит о пожаре. Я даю Кароле немного повести, когда Бекка засыпает, выкладываю в телефоне запись – перепосты, лайки, остановка на заправке в Бурленге, наверняка много кто интересуется, узнаёт того самого из теледебатов, это же он, ведь это он только что вывез семью из зоны лесного пожара, представляете, как сложно выбраться оттуда с младенцем, а он вон какой невозмутимый, заряжает спокойно свою «БМВ» и покупает детям мороженое, а если спросишь, пожимает плечами: *«Да черт-те что вообще, черт-те что, уехали мы оттуда, сомневались немного поначалу, а потом я услышал, как покрывка взорвалась, и дальше уж нечего было и обсуждать»*.

Но машина не заводится.

Я давлю на кнопку снова и снова, проверяю, включен ли режим парковки, вжата ли педаль тормоза, закрыты ли все дверцы, хоть это совсем ни на что не влияет, но машина не заводится – ни огонька, ни писка, вообще никакой реакции, полный ноль.

Делаю глубокий вдох, втягивая воздух сквозь сжатые зу-

бы, и уже готов разорваться в голос на Зака и Вилью, выясняя, кто из них тут включал лампочки, когда искал какую-нибудь ерунду, затерявшуюся между кресел, а потом забыл их выключить, или дверь забыл закрыть, или сидел в машине и играл с фарами, или зарядкой USB пользовался для своего чертова телефона или планшета, или что там еще они могли делать, моя ярость в этот момент не знает предела, но внезапно я ощущаю прикосновение руки, это Карола, она шепчет: «Прости. Прости».

– Это вчера, когда было так жарко. Бекка кричала. Мы посидели здесь. Совсем недолго. С кондиционером, ей понравилось, как от него дует.

В машине становится тихо. Я тяжело опускаю руки на руль.

– Я не подумала, – робко продолжает она, – представить не могла, что аккумулятор... прости. Прости, прости, прости, пожалуйста, Дидрик, прости меня.

* * *

Я бы ни за что не хотел, чтобы у меня были чьи-то чужие дети. Никогда прежде об этом не задумывался, но так оно и есть. Ладно, если бы тот человек умер или пропал и я бы чувствовал, что замещаю его (и *пропал* не в том смысле, что сел в тюрьму или опустился из-за наркотической зависимости или психического заболевания – конченный, который

звонит посреди ночи, чтобы одолжить денег, нет, *пропал* по-настоящему, насовсем). А если это кто-то, кто живет себе *где-то там*, скучает по ним, хочет их забрать, отнять у тебя, украсть у тебя половину их жизней, быть их папой каждую вторую неделю, папой на день рождения через раз, на каждую вторую Пасху и Рождество – такого я бы не выдержал, и, положив руку на сердце, вовсе не из сострадания к закланному прежнему бывшему, а потому, что это я не хочу чьих-то детей, кроме своих собственных, и никогда бы не справился с мыслью, что помимо меня у них есть еще один папа.

Но она хотела детей. Когда мы лежали обнявшись, она могла начать рассказывать, что заходила на мою страницу в «Фейсбуке», разглядывала фотографии детей и мечтала, как будет о них заботиться. Она представляла, что поначалу Вилья возненавидит ее, будет смотреть как на врага, примет сторону Каролы. А Зак будет робким и стеснительным. Но потом, помаленьку...

Вот тогда все и стало рушиться, потому что до того момента для меня существовали только мы – я и она. Наши беседы об искусстве, политике, философии в маленьких укромных ресторанчиках туристических кварталов, куда не заглядывал никто из наших знакомых, томление во взглядах, сплетение рук под столом. Изнуряющие, как марафонские забеги, и все равно слишком короткие дневные часы, проведенные в номере отеля, где мы после многочасового бешеного секса, насытив дичайшее отчаянное желание, делали перерыв, зака-

зывали еду в номер, запивали ее шампанским и принимали душ, а потом занимались любовью *по-настоящему*, планомерно воплощая в жизнь все игры и фантазии, о существовании которых в наших головах мы даже не догадывались. Долгие переписки в мессенджерах, где мы брали верх над мыслями друг друга, выворачивая их в том направлении, о котором не смели и помышлять.

В моем мире существовали только я и она. Я подыскивал двушку или трешку, рассеянно думал о детских вещах, каждую вторую неделю задвинутых в ящики под кроватями, а в лучшие или же в худшие наши моменты я искал однушку, ведь так ли важен этот принцип «неделя через неделю», не дань ли это мещанским правилам приличий? Совместная опека – это само собой, но надо ли так скрупулезно следовать календарным условностям?

Будучи на пике влюбленности, я мечтал о неспешных завтраках, проведенных в белых махровых халатах, распутных оргиях на залитых солнцем террасах, прогулках вдоль моря, галереях, театральных премьерах, вечерах в тусовочных кварталах, интеллектуальных спаррингах и любовных треугольниках с участием симпатичных незнакомок. Вот какой была моя самая крамольная фантазия. Бросить детей и отдаться жизни с ней одной.

Она начала копить деньги на права, как-то раз прошептала мне это и прижалась своим гибким обнаженным телом к моему. Чтобы можно было *отвозить и забирать*. Она име-

ла слабое представление о том, что включает в себя жизнь родителя, но знала, что крутится она по большей части вокруг этих вот *отвез-забрал*, и ей очень хотелось тоже этому научиться.

Я смотрю на сидящую на заднем сиденье с Беккой на руках Каролу, притихшую, напуганную, с дрожащими губами и застывшими в уголках глаз слезинками.

«Она хотела твоих детей. Я мог пойти с ней на все, на все, но только не на то, чтобы отдать ей твоих детей. И я остался.

И завел еще одного ребенка».

– Все будет хорошо, милая, – слышу я собственный голос. – Все будет хорошо, мы с этим справимся, да? *Просто кто-то подложил бомбу в автомобиль.*

Пару секунд я сижу, ничего не делая, лишь несколько коротких мгновений вдыхаю запах моего автомобиля; карман автомобильной дверцы – в нем скребки для чистки стекол и обертки от конфет, в бардачке – руководство по эксплуатации и все чеки, вот красная папка с дисками, которые мы никогда не слушаем, руль под пальцами и ладонями – слегка шероховатая поверхность, чтобы рука не скользила, держатель для напитков, в который я обычно ставлю стаканчик кофе, потухшая приборная панель, показывавшая километраж, скорость, заряд аккумулятора с точностью до минуты, роскошь осознания – ни разу не высказанного вслух, но четкого, – что однажды в жизни мне хватило денег на почти но-

венький электрокар от «БМВ».

Потом выхожу из машины, жара давит, ветра почти совсем нет. Пробую вдохнуть полной грудью и чувствую, как свербит в горле. Ближайшая зарядная станция в нескольких километрах отсюда, можно подзарядить аккумулятор с помощью кабелей, но я не знаю, как это делается, ни разу даже под капот своей машины не залезал, всегда просто отдаю ее на станцию техобслуживания. Сейчас я знаю одно: нам нужен автомобиль с работающим мотором, а мы здесь совсем одни.

Карола уже рассказала детям спокойным тоном о случившемся, и они, конечно, отреагировали по-разному: Вилья то плачет, то утешает или ругает мать, а Зак говорит что-то о суперсиле, вертолетах и воздушных шарах, которые могут прилететь и спасти нас, я же успеваю подумать, что *вот сейчас бы сюда такого одаренного сына, который увлекается химией, физикой, механикой и которому придет в голову протянуть кабель к электросети в домике и каким-то образом завести автомобиль или которому известно, где тут брошен старый ржавый «Сааб-900», и он знает, как его завести без ключа, сейчас бы такого сына, который получает награды и удостоивается встречи с королевой и знает какие-то стоящие и нужные вещи, а не всю эту гаррипоттеровскую чушь*, прежде чем мы замечаем парящий над нами совсем низко самолет, большой и желтый⁸.

⁸ Шведские пожарные самолеты обычно желтого цвета.

– Сюда! – ору я и так неистово машу рукой, что кажется, она сейчас выкрутится из сустава. – Сюда!

Но это, конечно, абсолютно бессмысленно и глупо, я только пугаю детей.

Они выскочили из машины, стоят рядом, смотрят в небо и хотят понять, что я видел.

– Самолет. Такой, который воду возит и разбрызгивает на огонь.

Они смотрят на меня, пытаясь найти в моем лице ответ: хорошо ли, что здесь самолет, сможем ли мы улететь на нем домой, далеко ли огонь?

А далеко ли огонь?

Бекка кричит. Я обхожу машину, открываю заднюю дверцу, беру малышку из кресла и крепко прижимаю к себе липкое тельце.

– Идемте, – говорю я. – Нам нужно идти.

– А старичок? – Вилья смотрит с подозрением на меня, потом на мать: – Мы же заберем с собой старичка?

Карола откидывает со лба несколько прядей взмокших волос.

– Дети, берите свои вещи, – произносит она и распахивает люк багажника.

* * *

Карола несет синий икеевский мешок и новенькую цвета

красного леденца детскую сумку-органайзер для Бекки, специально купленную к поездке. Вилья тащит большой чемодан на колесиках, в котором уместилась бо́льшая часть нашей одежды. У Зака его рюкзачок со Спайдерменом, и он все так же плачет, теперь потому, что я заставил его оставить книги, из которых три были библиотечными, нам уже неоднократно присылали напоминание о них, так что он переживает, что ему никогда больше не позволят ничего взять из библиотеки, он плачет, ноет и жалуется, что у него болят ноги. У меня за спиной рюкзак «Фьелльрэвен» со всеми ценными вещами, в одной руке пакет с едой и бутылкой воды, а другой я толкаю коляску с Беккой. На всех нас надеты респираторы, новые, из гипоаллергенного неопрена, купленные для Таиланда и взятые сюда *на всякий пожарный*, Бекка хнычет и пытается стянуть с себя маску, и мне приходится беспрестанно останавливаться и поправлять ее.

Если верить телефону, до Эстбьёрки 11,6 километра, мы никогда не ездим в том направлении, но на спутниковом фото видно, что сначала туда идет гравийка, потом дорога поворачивает влево, дальше прямой отрезок, который постепенно уходит вправо, перекресток, еще длинный прямой отрезок и начинаются дома.

– *На машине минут десять, максимум пятнадцать*, – говорит Карола, они ездили туда, когда она была маленькая, там тогда работал сельский магазинчик. – *Я как-то увязалась с папой, когда он поехал купить сигарет, это очень*

близко.

Жара крышкой накрыла лес, мы стараемся идти в тени, на Заке купальные шорты и шлепанцы, Бекка лежит в коляске в одном подгузнике, на мне обрезанные джинсы и старая застиранная футболка «Лакост». Мы слышим далекие sireны, видим, как по небу в дымке проносятся самолеты, но не встречаем ни души.

Поленница, муравейник, вручную расписанный дорожный знак, который предупреждает о том, что здесь *«НЕУПРАВЛЯЕМЫЕ ДЕТИ И БЕСПЕЧНЫЕ ПЕНСИОНЕРЫ»*, я тут бывал во время прогулок и пробежек, иногда, если лето теплое, здесь полно мошек, которые роятся вокруг, и стоит только снять футболку, они липнут к животу, подмышкам и спине – к местам, где стекает пот, и это просто невыносимо, они неотвязно преследуют тебя на протяжении нескольких километров.

Сейчас воздух пуст, в лесу тихо. Слышно только монотонное шуршание шасси коляски и чемоданных колесиков.

– Элла часто выгуливала его пса, – Вилья говорит, уставившись на асфальт, глаза сияют над черной маской. – Его звали Аякс, черный лабрадор. Иногда я к ней присоединялась.

Смутные воспоминания: потрепанная неухоженная псина, красный поводок, дождливое лето, Вилья в резиновых сапожках идет под дождем с соседской девочкой в красном дождевике-пончо, бог ты мой, это же, наверное, лет десять

прошло с тех пор? Старая охотничья собака, которую старик держал много лет, еще в те времена, когда разгуливал по лесу с ружьем и стрелял кабанов, ее, наверное, усыпили вскоре после того, как мы стали приезжать сюда каждое лето, наверняка, как она вообще это помнит.

– Как-то раз пес пошел с нами на озеро, мы с ним купались, и тогда как будто подружился с Аяксом, он плавал за палками и...

– Вряд ли вы там купались, – резко обрываю я ее, сам не понимая почему, – тебе было лет пять, не больше, вам бы ни за что не разрешили купаться без взрослых. Может, вы просто ножки мочили?

Под маской не видно, но мне кажется, она улыбается воспоминанию, в глазах сквозит улыбка, теперь почти единственный способ наладить контакт с ней – заговорить о ее раннем детстве, когда мы возимся с Беккой, я рассказываю ей, как она была новорожденной, как она только и делала, что срыгивала, какала, спала, вспоминая ее первые словечки, показываю ее детскую одежду, которую мы хранили в качестве ретроприкидов для внуков и которая перешла теперь нашему последышу, и непостижимое умиление от того, что когда-то *она сама* носила эти платица, слюнявчики и крошечные кофточки, наполняет покоем ее мятущуюся подростковую душу, и на самом ее дне обнаруживается беззащитность и нежность сродни Беккиным, которые когда-то жили и в ней.

– Как только доберемся до места, сразу расскажу пожарным, что он там, – заверяю я Вилью.

Она кивает.

– Один раз, когда мы к нему пришли, он сказал, что Аякс – самый лучший пес из тех, что у него жили. У него их несколько было, целая *шайка* собак. А потом остался один Аякс, да и тот старенький.

Она смахивает мокрую челку с потного лба, берется за ручку другой рукой, надо бы предложить ей поменяться ношей, наверное, через полчаса, не раньше, – стоит только начать, и тело сразу почувствует усталость.

– Он говорил, это его последняя собака, – добавляет она. – А потом он будет по-настоящему одиноким.

Мы проходим еще несколько сотен метров, лес густеет, отбрасывает больше тени, и в лицо нам начинает поддувать ветерок, немного разгоняя дым, я делаю несколько глубоких вдохов под маской, и горло почти не саднит. Бекка спит в коляске, и, если отбросить все детали, не так все плохо, собственно говоря, просто совершаем семейную прогулку по лесу, мы не раз собирались почаще устраивать такие.

– Сколько еще осталось? – спрашивает Вилья, словно читая мои мысли. – Скорей бы дойти.

– Немного. Пара километров.

– Пара *километров*?

– Ты так и в Нью-Йорке говорила. Помнишь, как мы пешком шли от Таймс-сквер до Митпэкинга? Жара стояла почти

как здесь сейчас, но все же хорошо прошло. Надо было лишь одолевать улицу за улицей, и мы оказались на месте.

Она морщит лоб.

– Если мне позволят, я поеду с ними на какой-нибудь пожарной машине... или что у них там за техника, и покажу, где он живет, – говорю я ей. – И помогу забрать его. Ладно?

– А если они не захотят поехать?

– Тогда я пожалуюсь их главному, – быстро нахожусь я.

– Правда?

– Разумеется. Если пожарные откажутся, скажу, что хочу поговорить с их главным, а не то позвоню в Стокгольм или в газеты. Я этого так ни за что не оставлю.

Она снова кивает, опять меняет руку, достает мобильник и что-то там смотрит. Я собираюсь просить ее побереечь зарядку, но молчу: важнее, чтобы она чувствовала, что все в порядке и нет повода для паники.

Мы идем уже час. Коляска, рюкзаки, икеевский мешок переходят от одного к другому. Поднимаемся на пригорок близ делянки, отсюда открывается хороший вид на окрестности, воздух за нашей спиной серый и мутный, но огня не видно и самолетов тоже. Делаем привал рядом с большой кучей бревен, пьем воду – до того как бросить машину, Карола рванула в дом и наполнила водой из канистры несколько пластиковых бутылок, – и едим вафли, изюм и соленый арахис.

Но когда решаем отправиться дальше, Зак отказывается идти. Он ничего не говорит, не жалуется, а просто сидит на

поваленной сосне, не двигаясь с места.

– Дружище, надо идти.

Он мотает головой, уставившись в землю. Я присаживаюсь на корточки перед ним, глажу тощие нескладные ноги, торчащие из раструбов купальных шорт.

– Дружище?

Одна ступня у него в чем-то испачкана, какая-то темно-бурая грязь покрывает маленькие пальчики ноги, я тянусь смахнуть пыль, или сажу, или что там еще может быть, но он вздрагивает и отдергивает ногу.

– Солнышко! – резкий возглас Карола прямо у меня за спиной. – Солнышко, что случилось? Что у тебя с ногой?

– Крошла, – бормочет Зак, переходя на детский лепет – иногда он к нему возвращается, и мне приходится сделать усилие, чтобы переспросить его спокойным, нераздраженным голосом:

– *Пожалуйста, милый, говори немного четче, тебя не слышно через маску, что за «крошла»?*

– Кровь пошла.

Карола уже склонилась над ногой, к которой он не дает прикоснуться, Зак стонет, когда она снимает шлепанец, стон перерастает в протяжный кошачий вой, как только она слегка дотрагивается до пальцев.

– Это все ремешок, – говорит Карола напряженным голосом. – Он врезался ему в палец.

– Но, Зак, милый... что ж ты ничего не сказал?

Зак трясет головой, пара крупных слезинок прочерчивает две дорожки по грязному респиратору. Склонившись, я вижу кровь, сочащуюся между большим и соседним с ним пальцами, налипшую грязь, частички грунта, болтающуюся кожу.

– Зак, милый!

Он не смотрит мне в глаза:

– Вы меня теперь бросите?

«Наверное, с ним что-то не в порядке, нет, нельзя так думать, но ведь правда, что-то с ним должно быть не так: СДВГ, аутизм, синдром Аспергера, наверняка у него какой-то диагноз, это же ненормально, надо его обследовать».

– Мы бы никогда тебя не бросили. – Карола гладит его по волосам.

– Никогда, – вторю я ей. – Никогда-никогда-никогда.

– Это Вилья сказала. – Зак хлюпает носом. – Что, если буду жаловаться на ногу, вы уйдете без меня.

– Совсем я *не так* сказала! – Вилья смеется тем пронзительным саркастическим смехом, который появляется у нее в последнее время, когда ей нужно уверить всех в своей невиновности. – Я всего лишь сказала, что лучше тебе не говорить ничего маме с папой, потому что им нужно позаботиться о Бекке и они не могут тебя тащить, так что тебе, может быть, придется остаться в доме и дожидаться пожарных.

– Ты сказала, что пожарные придут и заберут меня!

Она снова заливается под маской бесстрастным холодным смехом.

– Заткнись ты, недоразвитый, я совсем *не так* сказала.

Ей стыдно, я это знаю, стыд делает ее вульгарной и злой, она вымещает на младшем брате свою тревогу, а когда он ее разоблачает, бросает в ответ самые гадкие мерзости, какие приходят ей в голову, швыряется ими, как светошумовыми гранатами, чтобы отвлечь нас, я все это знаю, мы все это обсуждали на сеансах семейной терапии, и тем не менее цель достигнута, меня окатывает волна ярости, я вскакиваю и рывкаю ей в лицо несколько слов, я даже не подозревал, что они во мне скрывались, Карола пытается встать между нами – «*Нет, Дидрик, ну-ка возьми себя в руки*», – и вот мы уже стоим и кричим друг на друга, пока Бекка плачет, лежа в маске, Зак затыкает уши руками, а в пустом небе над нами завивается кольцами дым.

* * *

Простая радостная любовь, которую я некогда испытывал к дочери, переросла в какое-то другое, гораздо более сложное чувство. Надменность, эгоистичность, одуряющая неблагодарность, которыми она, кажется, пропитана насквозь, грязной сальной пленкой заволакивают счастье, охватывавшее меня раньше всякий раз, когда я заглядывал в эти чистые синие глазки.

Мы пытаемся сваливать все на телефонную зависимость, на соцсети, на долгие ночи в бесконечных чатах, на все, что лишь усугубилось за время пандемии. Мы виним жажду потребления, никто уже не спорит с тем, что у ребенка карманы должны быть набиты гаджетами, по стоимости сопоставимыми со средней зарплатой бюджетника, никто уже не сомневается, что без самой последней модели телефона, наушников, камеры GoPro, самой модной куртки или кроссовок тебя сочтут *лохом* или *нубом*, мы виним неолиберальную систему, Карола в таких случаях вздыхает и говорит что-то типа *«мы построили общество, в котором девочки-подростки ни с того ни с сего требуют себе сумочку от Prada»*.

«Вот где мы оказались, – сетует она, – в позднекапиталистическом, постпостмодернистском декадансе, в извращенном мире – в южном полушарии земного шара свирепствуют голод, война и хаос, а в северном глобалистская элита накапливает такие богатства, что даже рядовые жители западных стран стремятся иметь такой уровень жизни, на обеспечение которого для каждого из нас не хватит и двадцати земных шариков».

Но никакой политический анализ, никакие лекции по марксизму не в силах освободить меня от чувства стыда за то, что наша четырнадцатилетняя дочь ведет себя как эскортница, что она научилась смягчать голос, класть по временам руку мне на плечо, если ей нужен свежий мерч какой-нибудь модной группы или деньги на суши и новые «мо-

ды» и «скины» для какой-нибудь скудоумной компьютерной игры, в которую она сейчас играет. Единственная ситуация, в буквальном смысле единственная, когда моя дочь демонстрирует мне некое подобие любви или уважения, это когда я сижу с банковской карточкой, собираясь заказать домой какой-нибудь очередной прибамбас. А единственная возможность получить от нее эсэмэску или ответить на ее звонок появляется, только если ей нужно добиться, чтобы согревающий денежный душ, финансовый поток – именно так, по моему, она представляет семейный бюджет – срочно развернули в ее сторону.

Поначалу мы пытались говорить с ней об эмпатии, о том, что значит быть частью семьи, где все обязаны помогать друг другу и заботиться друг о друге. Мы пытались говорить о том, что деньги не возникают из ниоткуда, пытались побудить ее заниматься уборкой, раскладывать постиранную одежду, выносить мусор, подстригать газон, делать хоть что-нибудь, чтобы каким-то образом зарабатывать деньги, которые она желает от нас получить. Иногда ее хватало на неделю или на две. А потом она уставала и вновь принималась нудеть, выдвигать ультиматумы и даже пыталась манипулировать нами.

Пандемия понемногу сошла на нет, потом у нас появилась Бекка, и внезапно стало немного легче. Вернулись игры, вечера за обеденным столом, шарады, настолки. Вилья опять стала садиться дома за фортепиано, на занятия она, понят-

ное дело, давно уже перестала ходить, но теперь она засаживается с нотами, которые откопала в Сети, и поет: простенькие минорные аккорды, слезливые баллады. Голос у нее красивый, немного заунывно-монотонный, и поет она, не попадая в тональность, как будто вообще не слышит инструмента, часами может меланхолично фальшивить.

Лишь изредка один куплет, один припев она вдруг выпевает в правильной тональности, следуя аккордам, это всегда происходит случайно, она, кажется, и не замечает разницы, но если мы с Каролой оказываемся в той же комнате, то застываем и смотрим друг на друга, словно изумляясь тому, что внезапно оказались в моменте идеальной гармонии, уловили проблеск того, какой может стать, какой должна бы быть наша с ней семья.

Мы доругиваемся, потом какое-то время роемся в поисках пластыря, пока не осознаем, что оставили аптечку в машине. Бекка опять проголодалась, так что я достаю термос с горячей водой и банку сухой смеси, взбалтываю все в рожке, кормлю ее, насколько это возможно сделать при наличии маски, пока Карола достает из сумки-органайзера влажные салфетки и ухитряется очистить кожу вокруг раны, образовавшейся у Зака между пальцами. Мы выживаем носок из упакованных вещей и натягиваем ему на ногу, теперь он может идти, надев шлепанец на здоровую ногу и носок на больную, но он хромотает, плачет, ему больно.

Зак опирается на маму, на коляску, на меня, все больше

замедляет ход, пробует идти, опираясь на пятку, но асфальт раскалился и жжет сквозь носок. В конце концов он просится ко мне на плечи, и я сажаю его поверх рюкзака, который несу сам, а у Зака на спине все еще висит его рюкзачок со Спайдерменом, я, наверное, уже несколько лет не носил никого из детей на плечах, несколько минут это даже кажется приятным, но потом я начинаю ощущать вес, который давит на ключицы и затылок, а еще чуть погодя его пот начинает под палящим солнцем стекать на меня и смешиваться с моим собственным, плечи ноют, его потный пах прижат к моему затылку, мне больно всякий раз, когда его маленькие потные ручки давят мне на адамово яблоко или тянут меня за волосы, и еще этот его безостановочный вопрос: *мы скоро – мы скоро – мы скоро?*

Дорожный знак сначала расплывается синим пятнышком, вялым обещанием голосов, немногословных людей в желтых светоотражающих жилетах, первой помощи для раны Зака, туалета и, может статься, чашки кофе, боже мой, очень надеюсь, у них там есть кофе, большие термосы с пневмонасосом, до краев наполненные кофе, а может, и булочки, которые притащили какие-нибудь скауты или члены краеведческого кружка. Пятнышко все ближе, и в какое-то нестерпимое мгновение мне кажется, что на нем цифра 8, пока я не понимаю, что все верно, надпись гласит «ЭСТБЬЁРКА 3», а значит, скоро мы окажемся в той самой легендарной Эстбьёрке, и как раз, когда подходим к указателю, мы видим ма-

шину, она едет нам навстречу: белый универсал, несется на большой скорости в противоположном направлении.

Это первый автомобиль, что встречается нам на пути, мы все останавливаемся, я осторожно ставлю Зака на землю и взмахиваю рукой, и Карола машет, но машина летит, не снижая скорости, я выступаю на дорогу; в какую-то горькую удушющую секунду мне кажется, что меня вообще не заметили, но внезапно машина резко тормозит, хотя и не останавливается полностью, стекло с водительской стороны опускается на несколько сантиметров. За рулем мужчина моих лет, седеющий блондин, длинные обвисшие усы, волосы собраны в хвост, он без рубашки, одна рука полностью покрыта татуировками, рядом с ним я замечаю темноволосую девушку помладше с дредами и в стильных очках от солнца. Слышно включенное радио – сдержанная и сухая, но при этом, можно сказать, *жадная* интонация – национальный канал сообщает о важном новостном событии дня: *власти предупреждают... вышло из-под контроля... все, кто находится в радиусе...*

– С ночи едем, – тенором сообщает мужик, зажимая ладонью рот и нос. – Из Емтланда. Ну и бардак.

Машина продолжает катиться по дороге, я трусцой бегу рядом с водителем и машу рукой в сторону Эстбьёрки:

– А там как обстановка?

– Ни одной рожи не засек. Здесь, наверное, сейчас одни «водяные бомбардировщики» летают. Охренеть позорище –

у Швеции ни одного своего самолета. Мы в Реттвик, вот что главное.

– Наш автомобиль не завелся, – говорю я, испытывая желание сжаться в позе зародыша от беспомощности, различной в собственном голосе. – У нас грудной младенец.

Он просто трясет головой в ответ:

– Дуйте срочно в Реттвик.

Я слышу, как женщина рядом с ним шепчет: «Микке», – а потом стекло поднимается и машина удаляется, набрав скорость. Белая «Тойота». Помню, я смотрел такую, прежде чем выбрал вместо нее «БМВ», мне казалось, она более, не знаю даже, взрослая, что ли.

– *Что они сказали?* – кричит Карола, я бегу к ней, в глазах у нее застыл вопрос.

– Они ехали в Реттвик, это...

– А что в Эстбьёрке? Им там оказали какую-то помощь?

– Не знаю... он сказал, что *не засек там ни одной рожки*...

Приблизившись, я вижу, что она вот-вот заплачет. Голос пронзительный, Зак крепко вцепился в мать, или это она вцепилась в него, рядом стоит Вилья с детской коляской.

– А пожарные машины там были? Их о чем-нибудь информировали?

– Не знаю.

– А ты спросил?

Снова это разочарованно-обвинительное выражение лица.

– Глядите, они разворачиваются, – Вилья указывает на дорогу.

Белая «Тойота» развернулась на 180 градусов и мчится к нам на полном ходу, резко оттормаживается, мотор еще не заглушен, но с переднего сиденья выбирается та женщина, я вижу, что она беременна, на ней цветастое платье со свободной талией, на ногах резиновые сапоги.

– Эй, слышите, мы можем забрать малыша, – произносит она, лицом уткнувшись в шаль, свои поповские очки она сдвинула на лоб, в глазах сквозит великодушие. – Без проблем, возьмем малютку.

Все молчат.

Карола остолбенела.

– Можем забрать малютку, – повторяет женщина. – Микке? Правда ведь, Микке?

Он снова опускает стекло, злобно пялится на меня и рывкает:

– Само собой. Возьмем младенца, если хотите.

– Но мы же собирались... – Карола растерянно машет в сторону Эстбьёрки. – Там же должны быть...

– Там горит, – отвечает Микке. – Вся округа в огне. Вам нельзя здесь оставаться.

Недолго думая, я иду к коляске и беру на руки Бекку, прижимаю к своей коже ее мягкое тельце, сонное гладкое личико, передаю Кароле, шепчу: *«Поезжайте на всякий случай, мы справимся»*. Она уже направляется к машине, как вдруг

Микке произносит: *«Вы это, погодите, только младенец»*. И Карола застывает на месте.

Небо посерело еще больше. Серый сумрак наползает со всех сторон, глухая змеящаяся дымовая завеса медленно опускается на нас сверху. Сухой грязный воздух щиплет горло даже сквозь респиратор.

– Я могу взять ее на колени, – говорит женщина, она плачет, колени у нее все разбиты, это я только сейчас замечаю, кровь размазалась по голени, она протягивает руки, чтобы забрать Бекку. – Черт, ну пожалуйста! – Голос повышается, пробиваясь сквозь шаль. – Ты уж мне доверься, я малютку тут на дороге не оставлю, я и Микке сказала: мы так не можем поступить, так нельзя, че ж мы тогда за люди.

Карола прижимает к себе Бекку, легонько укачивает ее, мотает головой, слезы текут по лицу, такая жара, она что-то кричит, та женщина выкрикивает что-то в ответ, Карола тоже кричит ей что-то.

– Слушай, приятель, – обращаюсь я к Микке, встав вплотную к окну, я смотрю на него: под губой топорщится бугорок снюса, еле заметный под его хипстерскими усами, его видно, только когда подходишь вплотную. – Можно же что-то придумать, мы могли бы все вместе втиснуться на заднее сиденье?

Он не отвечает, просто тарашится на меня, я нагибаюсь, заглядываю в салон, за водителем расположились двое большеглазых белокурых мальчишек в плавках, у каждого на ко-

лениях по планшету.

– Привет, ребята, как мило, что вы можете нас подвезти, – говорю я, надеясь, что мои слова звучат открыто и дружелюбно.

– Еще одна семья, незадолго до вашей, – поясняет Микке чуть более строгим тоном. – Колесо прокололи. Он мне то же самое сказал – мол, уму непостижимо, что у нас нет своих «водяных бомбардировщиков».

Женщина активно жестикулирует, кричит что-то про дым, тычет пальцем куда-то в направлении деревьев, Карола снова мотает головой.

– У них, правда, не груднички, – продолжает мужик. – А у вас младенец. Так что мы развернулись и поехали обратно к вам. Вот только стоять тут и *разглагольствовать* не планировали.

Он крепче стискивает руль. По грязному лицу пробегает какая-то гадостная тень, глаза слезятся от дыма.

Женщина садится обратно на пассажирское сиденье, зло смотрит прямо перед собой.

– Будьте добры, – прошу я. – На заднее сиденье.

Микке косится на женщину:

– У нас там все забито.

– Будьте добры, молю вас.

– Мы *и так* добры, – фыркает она и утирает слезы запястьем, ее великодушие обратилось в озлобленность, – мы *охренеть* до чего добры.

Микке чешет светло-рыжую волосатую подмышку и отводит взгляд, и я вдруг понимаю: вот как в этой паре все устроено, она импульсивная и переменчивая, он неторопливый и осмотрительный, они дополняют друг друга.

– Есть еще вариант, если мы...

– Мы повернули *обратно*, а вы теперь стоите тут и спорите с нами, это же хрен знает что, как можно быть такими долбаными эгоистами?!

Они дополняют друг друга, а окончательное решение принимает всегда она, и вот сейчас она его приняла.

Рука на моей талии. Голосок за спиной:

– *Папа*.

Позади меня стоит Вилья. За руку она держит Зака, тот хнычет, кашляет под маской – *не размышляй, просто действуй*, – я обнимаю его и беру на руки, словно большого теплого тюлененка, лоб у него красный и блестящий от пота, я поворачиваюсь обратно к машине.

– У моего сына астма! – громко обращаюсь я к мальчишкам на заднем сиденье тоном, который, как я надеюсь, не позволит усомниться в моих словах. – Он не сможет долго протянуть, если будет дышать этим воздухом!

И они ужимаются, смотрят на родителей, один из них рефлекторно открывает дверцу. «*Ассар!*» – шипит женщина – но дверь уже открылась, я распахиваю ее настежь и пристраиваю Зака на заднем сиденье, среди других детей, корпусом залезаю в салон и успеваю ощутить прохладу и чистый

воздух, мягко целую его в лоб, вдохнув запах дыма, грязи, цитрусовую нотку эконошампуня и дыхание смутных лет, что успевают уместиться в этом мгновении, он кричит «*Лана!*», когда я закрываю дверь машины.

– *Поезжайте уже*, – мямлю я Микке. Он кивает в ответ, в его глазах мелькает проблеск братского взаимопонимания, когда он произносит «*в Реттвик*» и резко сдает назад, вывернув колеса, в голосе сквозит облегчение, словно само название населенного пункта в Даларне уносит прочь все наши тревоги, и, рванув с места, машина тоже уносится вдаль.

Карола все так же стоит с Беккой на руках, жмурясь, зарывается носом в ее затылок, бормочет:

– *Похоже, хорошие люди, ведь правда, кажется, это хорошие люди, так ведь, милый, это хорошие люди, ах мой мальш, мой милый мальш.*

С первого появления автомобиля прошло меньше пяти минут. Спайдермен остался лежать на асфальте рядом с указателем «*ЭСТБЬЁРКА 3*».

– Лана Дель Рей, – бормочет Вилья в жаркую пустоту и подтягивает ляжки, прежде чем повесить себе на спину рюкзак младшего брата. – Лана Дель Рей.

* * *

Домик в Таиланде. С этого-то все и началось. Дом с широкоформатным телевизором, тренажерным залом с беговой

дорожкой и велотренажером, с собственным бассейном, наполненным бирюзовой водой.

Мы движемся в сторону Эстбьёрки, и я уже начал мысленно сочинять объяснение, поскольку знаю, что мне обязательно придется объяснять, как так получилось, что такой интеллигентный высокоорганизованный человек, как я, угодил в подобную историю: как бы ни было, вы ведь будете удивляться, какого фига я остался с семьей в заброшенном доме к северу от озера Сильян в то лето, когда в Даларне, Емтланде и Херьедалене полыхали пожары.

«У нас же Бекка родилась, – скажу я лучшей подруге жены по время похорон. – Мы были так счастливы – третий ребенок, наш последний ребенок, мы хотели, чтобы все было как-то по-особенному, так что решили пожить где-нибудь за границей, пока Карола будет в отпуске по уходу за ребенком, а Таиланд – прекрасное место для жизни с детьми». Простенький шведский стол с итальянскими закусками и красным тосканским вином, церковь с побеленными стенами, в Эстерлене, на Готланде, что-то в этом роде.

«Кароле так этого хотелось, она была так рада. – Ее подруга, высокая и симпатичная женщина, всем своим видом выражает укор, на ней черное платье, глаза подведены водостойким контуром. – Полгода на пляже, она об этом мечтала, и я хотел подарить ей эту мечту».

Три километра пути до Эстбьёрки занимают у нас час, у Каролы из-за сумки и икеевского мешка начинает болеть

спина, нам приходится то и дело останавливаться, чтобы взять на руки Бекку, которая больше не хочет спокойно лежать в коляске, вопит и пытается содрать с себя маску. Надо бы развести ей еще смеси, но тогда мы целую вечность проторчим на обочине.

Колесики у чемодана ломаются в тот момент, когда мы добираемся до первого домика; простая каменная ограда, на участке детский игровой домик, покосившиеся футбольные ворота, батут, который почти поглотила выросшая в его тени сорная трава. Табличка с выведенной красной краской и потемневшей от времени надписью:

«ПРОДАЕМ СВЕЖУЮ КАРТОШКУ».

Вилья чертыхается, я поднимаю чемодан и исследую поломку: пластмасса лопнула, эту вещь ведь изготавливали не для долгих прогулок по неровному асфальту.

– *Дешевое дерьмо*, – шепчу я и, переполняемый злостью, хватаю чемодан и волоку на пустой участок, распахиваю дверку игрового домика. Внутри жарко как в парилке, чувствуется запах необработанной древесины, веток и листьев – на полу кукольный фарфоровый сервиз нежных тонов, упаковка презервативов, стопка книжек-картинок, страницы пошли волнами от сырости, – и закидываю чемодан внутрь.

– Будем знать, где его искать потом, – говорю я, – когда поспокойнее станет.

«Ведь Таиланд теперь не такой уж и дешевый, – объясню я представителю страховой компании. – Перелет, взносы за

школы на детей, все прививки, деньги так и утекают. А мы еще хотели, чтобы у каждого из детей в доме была полноценная собственная комната, и чтобы бассейн, и хорошая кухня, чтобы дом был современный, недавно построенный, и чтобы пляж близко, там теперь только китайцы строят после того, как все снова пооткрывалось, а они умеют деньги с людей драть, сайт «Эйрбиэндби» превратился в настоящий печатный денежный станок для этих олигархов хреновых».

Вся Эстбьёрка – автобусная остановка, две дорожные развилки, несколько заброшенных загородных домов и лужайка с пожухлым майским шестом⁹. Есть площадка для разворота автомобилей с доской объявлений, и я в отчаянии обшариваю ее взглядом, но там только «Запрет на полив¹⁰ – Ежегодное собрание общества владельцев загородных домов – Квадроцикл – цена обсуждается – Коре 070–85 58–23–45 – Рубка леса – Подключаем оптоволоконный широкополосный интернет от DalaEnergi – Березовые дрова от Прима Бьёрквед».

⁹ Майский шест, увитый зеленью с перекрестием и украшением из одного или нескольких свисающих с него венков, в Швеции ставят на День летнего солнцестояния (Мидсоммар). Канун праздника отмечают в пятницу, которая выпадает между 19 и 25 июня.

¹⁰ В связи с тем, что в некоторых регионах Швеции водоочистные сооружения не справляются с очисткой воды в нужном объеме, там периодически вводится экономия воды и иногда запрет использования воды для других целей помимо питья, приготовления пищи и личной гигиены.

Видны следы внедорожника, стоит брошенный прицеп, в его углу кто-то оставил пару пледов, два замызганных комбинезона и полиэтиленовый пакет с двумя бутылками воды и упаковкой печенья «Мария», мы берем себе только воду.

«Снимать дом мы собирались с осени, тут и обсуждать нечего, – скажу я соседям. – Так все делают, кто живет за границей, в наши дни едва ли у кого-то найдутся средства платить за жилье в двух местах одновременно. Но мы решили, что вполне могли бы начать сдавать наш дом уже летом – расцветить себе немного будни».

Мы отыскиваем хоть какой-то намек на тень под сосной и меняем Бекке подгузник, он переполнен кашицеобразными, желто-коричневыми, едко пахнувшими какашками, у нас уходит масса влажных салфеток на то, чтобы вытереть дочку дочиста. Вилья привычно стягивает мусор узелком и направляется к домам, чтобы поискать контейнер для мусора, я почти готов крикнуть ей, чтобы не заморачивалась и просто положила его куда-нибудь, но передумываю и ничего не говорю.

«И ведь что может быть проще, чем провести все лето в разъездах, – скажу я уже моим друзьям. – Сначала Мидсоммар у сестры в Бохуслене, ПОТОМ дальше на юг, в сторону Бостада, где у Никласа с Петрой пустует целый дом, чертовски роскошное местечко, кстати, ПОТОМ я везу всю семью в Канны, потому что моя контора сняла целый дом на время кинофестиваля и в нем полно места, ПОТОМ дво-

юродная сестра Каролы выходит замуж в каком-то винограднике в Орегоне, так что мы поедem туда всей семьей, теща забронировала для нас уютный мини-отель с завтраком на побережье, так что там мы пробудем две недели, просто супер, а ПОТОМ, пожалуйста, отправимся на машине с палаткой по Норвегии, потому что всегда об этом мечтали и у нас никогда не было на это ни времени, ни возможности».

Карола кормит Бекку из бутылочки, одновременно прижимая другой рукой трубку к уху, я решил, что нам нужно экономить заряд телефонов и использовать их поочередно, последние полчаса она провела в телефонной очереди. Я захожу на один из участков, не такой заброшенный, как тот, что с игровым домиком, тут кто-то выполол все сорняки, под деревом стоит стремянка, на верхней ступеньке которой остался секатор, на бельевой веревке висит пара потрепанных джинсовых шортов, и я зачем-то иду потрогать их и проверить, высохли ли они, как вдруг слышу ее взволнованный голос, почти переходящий в крик:

– Алло? Алло? Вы меня слышите?

Я кидаюсь обратно к сосне, Карола замерла в напряжении, положила Бекку на землю и свободной рукой прикрыла второе ухо, лицо сосредоточено, словно чтобы отстраниться от всего, что может отвлечь ее от этого жизненно важного разговора, она отогнула немного маску, чтобы ее было лучше слышно.

– Послушайте... да, алло, меня зовут Карола фон Эш, и я сейчас тут в Эстбьёрке вместе с семьей, с нами младенец, наша машина не завелась, и мы вот тут в *Эстбьёрке*, алло? Вы нам сказали прибыть сюда, в *Эстбьёрку*, но здесь же нет никого...

Я сажусь в сухую колкую траву, беру Бекку на руки и прижимаю к себе. Слезы, слюни и сопли оставили светлые полоски на слое грязи, покрывающей ее лоб и веки, я целую мягкую пухлую щечку и чувствую привкус сажи.

Из трубки до меня доносится голос, он принадлежит женщине и звучит вежливо, я не различаю слов, только вопросительную интонацию.

– Да... нет? – Карола откашливается, утирает бегущие из глаз слезы. – Мы вообще-то видели только одну, там была семья, они забрали с собой нашего мальчика, а не то бы... И где? Рядом с Ованмюррой? Но до нее же пять километров...

Собеседница что-то поясняет, Карола смеется – смех звучит агрессивно и зло, за наши с ней совместные двадцать лет мне приходилось слышать подобное, наверное, раза четыре.

– А позвольте поинтересоваться, и кто же у вас *в приоритете*? Раз уж... у нас тут четырехмесячный младенец...

Голос в телефоне меняет интонацию, становится торопливее, официальнее, женщина явно пытается закончить разговор.

– Ну пожалуйста, черт побери, – молит Карола, глядя на Бекку, а я сдерживаю внезапное желание ущипнуть дочку

хорошенько за ляжку, чтобы она завопила, может, это бы и сработало, услышь эта тетка детский плач, но Бекка молчит, только немного покашливает, лежа у меня на руках и глядя на меня покрасневшими глазками, а Карола вымалывает и выпрашивает помощь, но голос ее собеседницы становится все тише и наконец совсем пропадает.

Карола смотрит на экран так, словно тот ее покусал.

– Сказала, чтобы мы выбирались отсюда своими силами, – бормочет она. – Что здесь нам надо было быть вчера, когда всех эвакуировали. Что для пожарной команды в приоритете раненые или те, кто не может сам о себе позаботиться, те, у кого есть *веские причины*. – Ее лицо кривится в гримасе, она отводит глаза. – А еще спросила, почему мы не поехали на той машине, почему не могли в нее уместиться.

Она не говорит этого вслух, может быть, потому, что и я не винил ее в той истории с кондиционером, а может, потому, что эффект только сильнее, когда обвинение остается невысказанным:

«Ты должен был уговорить их. Должен был все уладить. Должен был постоять за свою семью».

– Прости, – обращаюсь я к маске и опущенным вниз глазам.

«Но почти ничего из запланированного не состоялось, – говорю я той, с кем хочу быть. – Никлас и Петра пообещали дом кому-то другому, а с виллой на побережье в Каннах вышло какое-то странное недопонимание, и в США мы не

поехали, а потому посчитали все и поняли, что у нас совсем нет денег на жилье, аренду машины и все эти мальчишники, девичники и предсвадебные обеды, двоюродной сестрой верховодил американский свадебный распорядитель, который, наверное, полагал, что мы, гости, – просто большой банкомат, это было за гранью, мы понять не могли, о чем вообще думали, пришлось пожертвовать уже оплаченными климатически нейтральными авиабилетами¹¹ и всем прочим. Ну ты понимаешь... – Она понимающе кивает в ответ, мы лежим в кровати какого-то гостиничного номера и рассказываем друг другу о наших бывших и тех идиотских ситуациях, в которые попадали из-за них. – Ох уж эти стандарты жизни среднего класса, фасад, который нужно поддерживать любой ценой. Так что мы затолкали детей в машину и поехали в Норвегию, но Бекке это совсем не подходило, палатка уже к шести утра нагревалась как печка, да и вообще, ты в курсе, сколько в Норвегии стоит обычный латте?»

Вилья возвращается, по дороге машинально вытирая руки об шорты, чтобы удалить возможные следы детских какашек.

– Я видела обеденный стол, – испуганно рассказывает она. – Полностью накрытый, там, на веранде. Тарелки, бутылки с вином, все такое.

¹¹ Некоторые авиакомпании предлагают пассажирам компенсировать выбросы углекислого газа от перелета, покупая специальные авиабилеты. Как правило, средства от покупки таких билетов направляются на охрану окружающей среды.

Я киваю:

– Знаю, милая.

Она хмурится, смотрит по сторонам:

– Они просто все побросали и убежали как можно быстрее.

– Да.

– Тут только мы остались.

– Да.

«Ты предложила этот дом, – скажу я теще; снова похороны Каролы, в этой версии где-то на Лидингё¹², – спросила, почему бы нам не поселиться в загородном доме до конца лета, а ты тогда сможешь переехать в город, это же твоя идея, и мы решили, что так и правда многое решается. Кофе в золоченом сервизе, Дженис Джоплин и Эми Уайнхаус звучат из стереосистемы. – И это несмотря на засуху, жару и отключение воды с десяти вечера до шести утра».

«Вы каждый год предупреждаете нас о риске возгораний, – скажу я руководителю спасательного отряда, который встретит нас в Реттвике через два часа, когда все уже позади, – вы нас каждый год предупреждаете, так что мы перестали относиться к этому серьезно, думая, что вы контролируете ситуацию, ну да, мы чувствовали запах дыма от пожаров на севере, но человек ко всему привыкает, вы слишком часто кричали «волк! волк!».

¹² Остров и одноименный город на нем, находятся близ Стокгольма. Один из наиболее фешенебельных пригородов Стокгольма.

«И нам было так хорошо вместе, – скажу я много лет спустя уже взрослому Заку, – мы с тобой вдвоем ходили купаться каждый день, могли часами бултыхаться, ты за то лето здорово научился плавать и даже нырять с мостков, а по вечерам мы читали книжки и играли в игры, дым не особенно нам докучал, в некоторые дни он вообще не чувствовался».

«Ведь человек ко всему привыкает, – отвечу я на вопросы журналистов, – и самое гадкое в проблеме изменения климата то, что мы свыкаемся с лесными пожарами, жарой, бездомными, которые мрут от нее как мухи в Париже, Берлине, Мадриде; в Индии миллионы людей гибнут, когда там не выпадают муссонные дожди, греческая экономика, по сути, рухнула, сельскохозяйственная отрасль на западе США загнулась от засухи, в Европе ливни смывают целые поселки, ну а мы включаем в доме кондиционер, устраиваем на улице барбекю, живучесть человечества всегда зиждилась на нашей уникальной способности подстраиваться под обстоятельства, но теперь она ведет нас к гибели, и мы кротко и безропотно следуем за ней, а если весь скот отправить на вынужденный убой, экологичный говяжий стейк в результате только подешевеет».

Спасатели все еще должны быть в Ованмюре где-то в районе церкви, вычитывает Вилья в каком-то чате в Сети, так что мы оставляем икеевский мешок в прицепе и после небольшого разглагольствования забираем печенье и уходим

оттуда, уже почти четыре часа дня, жара и дым нестерпимы, Бекка ужом извивается в коляске и дергается так, будто у нее спазмы, она орет до хрипоты, я надеваю рюкзак-переноску и сажаю дочку в него, но она продолжает кричать, а мы идем дальше, несмотря на ее вопли.

«Потому что мы стыдились, – скажу я терапевту, – стыдились того, что втюхали такую кучу денег в ту пафосную таиландскую виллу, и в итоге лишили себя и детей дома на все лето, два высокооплачиваемых специалиста с высшим образованием спустили весь свой накопительный счет на такую банальщину, как авиабилеты и роскошный дом в Таиланде стоимостью 300 евро за ночь, аренда на полгода, и все ради того, чтобы иметь возможность посидеть на пляже и поесть жареный рис в последний раз в жизни. – Терапевт вопросительно смотрит на меня поверх блокнота с записями, а я киваю и говорю: – Ну да, конечно, альтернатива-то была, нам стоило попроситься с палаткой на земельный участок к кому-то из друзей, мы могли бы переехать в гостевую комнату в квартире мамы Каролы, но вместо этого остались после предупреждений властей, после того, как все уехали, мы так стыдились всего этого: того, что приобрели билеты в Штаты и не воспользовались ими, нашего электрокара от «БМВ», на который потратили, считай, карманные деньги, стыдились молока, сыра и мяса»¹³.

¹³ Сыр, молоко и мясо входят в число продуктов, производство которых, по мнению экологов, оказывает серьезное влияние на климат за счет эмиссии пар-

Мы идем уже час, ремни переноски врезаются мне в плечи, и вдруг слышим отдаленный звук, сначала сирены, потом рев моторов: несколько автомобилей едут в противоположную сторону, три, четыре, пять пожарных машин и один красный автомобиль с логотипом спасательной службы и синим проблесковым маячком на крыше, они отделяются от опушки леса и движутся параллельно нашей дороге, мы кричим, скачем на месте, машем руками, Карола бежит им навстречу, размахивая как флагом красной фланелевой пеленкой Бекки, но они сворачивают от нас на лесную дорогу.

«Про такое как раз всегда думаешь, что с тобой это точно не может случиться, – скажу я Микке через полчаса, когда мы встретимся с ним в Реттвике и я обниму Зака, ему уже залепили пластырем ногу, он успел, конечно, подружиться с теми мальчишками с заднего сиденья и сидит теперь, играя на их планшетах и удивляясь, чего там взрослые расшумелись, – думаешь, что у властей все под контролем, мы же, в конце концов, в Швеции, вот уж действительно позорище, что у нас нет своих самолетов».

Спасатели нас не видят или, может, видят, но не обращают внимания, машины исчезают в лесу так же внезапно, как появились, и я понимаю, что они едут не тушить пожар – они бегут от пожара, потому что, глядя туда, где должна находиться Ованмюра, я вижу языки пламени меж верхушек деревьев, там, куда мы направляемся, бушует пламя, и там,

откуда мы пришли, тоже, мы останавливаемся, замираем как вкопанные.

«*Это все ради тебя*», – не говорю я Кароле, опустившейся на корточки на дороге рядом с декоративной старинной велоповозкой, выкрашенной в светло-голубой цвет, со столь же декоративной и старинной молочной бутылкой, поделка из стекла и дерева, подле нее плоский камень, на котором округлыми ярко-красными буквами выведено «СЕМЬЯ ЯН-СОН», а рядом белая табличка, которая предлагает «*Оптоволоконный широкополосный интернет от DalaEnergi*», мы вытащили Бекку из переноски, и Карола сидит, обняв ее, и плачет, сотрясаясь от долгих жутких всхлипываний, а дым клубится во всех лесах, окружающих нас, Вилья строчит что-то в телефоне в поисках информации, я жду в телефонной очереди дежурной части, экран липнет к щеке, и в таком положении мы остаемся довольно долгое время, зной и прямые лучи солнца сжирают заряд аккумулятора, мы взяли с собой пауэрбанки, но они все остались в чемодане, том самом, который сломался, в том, который я бросил по дороге.

«*Это ради тебя я сделал так, что мы по уши влезли в долги, теперь даже смешно. Это ради тебя я завел третьего ребенка. А сейчас та, другая, снова хочет меня, все началось по новой, мы как два разведчика на войне, вчера она отправила мне фото, где она со мной, я сделал его позапрошлым летом: мы голые лежим под солнцем на нескольких подушках, раскиданных по кокпиту той яхты, и я сделал наше*

селфи на ее телефон, вид сверху, – и речь совсем не о том, как она выглядит голой на том фото, она, разумеется, ангельски прекрасна, настолько, что мне становится дурно, но речь даже не об этом, а о том, как я выглядел, когда был счастлив.

Под фотографией она написала: “Не стыдись того, что ты человек, гордись этим”».

– Дидрик, пожалуйста, вытащи нас отсюда, – невнятно выдавливает Карола. – Вытащи меня и детей из всего этого прямо сейчас.

Я не говорю ей: *«Я хотел остаться за городом как можно дольше, поскольку решил, что, как только вернемся в Стокгольм, я брошу тебя. Это было наше последнее лето вместе. Я остался ради тебя».*

Бекка снова кричит, я сажусь на землю рядом с ними, роюсь в сумке-органайзере в поисках бутылочек, термоса, смеси, мне не дает покоя эта табличка с DalaEnergi. Широкополосный интернет. Помню, как мы устанавливали его пять лет назад, мама Каролы выложила целое состояние и теперь редко пренебрегает возможностью напомнить нам об этом, мы перекопали весь участок, зато с тех пор у нас в загородном доме быстрый как молния и стабильный интернет, самая свежая информация о пожаре, пожарах, ежечасно, со звуковыми и световыми уведомлениями на телефоны и планшеты, и *тем не менее* мне удалось-таки загнать нас в такое положение, просто не верится, какой-то абсолютный сенсационный

идиотизм: мы, два умных, современных человека со знаниями, деньгами, телефонами, компьютерами и оптоволоконным широкополосным интернетом, и куда мы угодили...

Широкополосный интернет. Чем-то эти слова меня царапают, задевают, о чем-то я должен вспомнить.

Широкополосный интернет. Можно подключить его. Можно купить дрова. Можно заплатить кому-то за валку леса. Широкополосный интернет. Вот оно.

Можно подключить оптоволоконный широкополосный интернет от DalaEnergi.

Я вскакиваю на ноги, говорю Кароле:

– Не бойся, дорогая, я с этим разберусь. Жди здесь.

Целую Бекку в мокрый от пота лобик и бегу назад в Эстбьерку.

* * *

Дым гуще, чем был совсем недавно, это уже больше не горьковатый загрязненный воздух, теперь его можно различить, увидеть, как он клубится, завиваясь кольцами, и огибает деревья. Я стараюсь не нестись во весь дух, бегу спокойно, размеренно, держу темп, который смогу сохранять на протяжении нескольких километров, не доходя до слишком высокого пульса.

Доска объявлений все там же, я верно запомнил: между DalaEnergi и ежегодным собранием общества владельцев за-

городных домов кто-то с помощью строительного степлера закрепил пластиковый файл с распечатанным объявлением «*Квадроцикл – цена обсуждается – Коре 070-85 58-23-45*», а под текстом фото оранжевого сверкающего жука, снабженного здоровенными колесами с крупным рисунком протектора и двумя скошенными злобными глазками.

Пытаюсь дышать ровно, не обращая внимания на дым. «*Забудь, что бежал, забудь, что оставил Зака незнакомым людям и даже не взял их номер, забудь, что Бекка лежит и плачет там в маске. Это очень хитроумно, наконец-то ты сделаешь что-то действительно хитроумное, продолжай в том же духе*».

Я встаю в тень и достаю телефон, вытираю экран о бедро, на автомате проверяю лайки, прежде чем вбить первые цифры 070–85–58, но потом останавливаюсь, сбрасываю. Нет. Захожу в карту, увеличиваю Эстбьёрку, пишу «КОРЕ».

Находится только «*Левандер, Коре Ингмар*», дом в пятистах метрах от меня, и когда я пытаюсь увеличить картинку, чтобы получше рассмотреть дорогу, экран застывает и вырубается, но в этот момент я уже бегу, голубая табличка с надписью «*КОНЕЦ ДОРОГИ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ*», а дальше в лес уходит грунтовая дорожка.

Едва завидев показавшийся среди пожухлых крон дом, я отчетливо понимаю, что не ошибся, это не какая-нибудь времянка для гостей на лето, передо мной добротная домина, два этажа из дерева сияют белизной, синие наличники, сол-

нечные батареи на крыше; подойдя ближе, я замечаю свежеструганную террасу, два глубоких дивана помпезного вида рядом с овальным бассейном, накрытым новеньким тен-том, таким, который скручивается одним нажатием кнопки, в углу у стены огромная летняя кухня с газовым грилем размером с космический корабль, я о таком доме всегда мечтал, а мой папа с легким налетом отвращения назвал бы его *понтowymi хоромами*. Захожу за угол дома и вижу обустроенный с размахом сад со свежепосаженными яблонями, теплицей, двумя гамаками на стойках, установленными в тени аккуратно подстриженной сливы. Робот-газонокосилка сонно наворачивает круги по сухой пожелтевшей лужайке.

Иду дальше, за следующим углом, по ту сторону от дома – парковка, прицеп для моторки, брезент, но ни одного транспортного средства. Сарайчик для инструментов, построенный в том же стиле, что и дом, белый с синими наличниками, я подбегаю к двери, она шириной с гаражные ворота, на ней большой серебристый навесной замок, я беру его в руку и какое-то мгновение прикидываю вес раскаленного под солнцем куска металла.

Решение приходит мгновенно: гамаки; я бегу к ним, снимаю широкий, манящий отдохнуть гамак, смотрю на стойку, такой же роскошный гамак встречался мне как-то в одном эксклюзивном курортном отеле. Я там видел, как персонал его устанавливал: стойка из простых металлических трубок, которые легко скручиваются вместе, их так же легко разь-

единить, полая метровая труба легко ложится в руку и греет ладонь; трусцой перебегаю к террасе у бассейна, там большие красивые панорамные окна.

Секундное сомнение, мысль о страховой компании, деньгах, пенсионных инвестициях, которые придется распродать, потом образ Бекки, лежащей в коляске и кашляющей, голенькое тельце, ляжки-сарделечки торчат из подгузника, широко распахнутые покрасневшие глазки над маской, я размахиваюсь трубой, как тяжелой и прочной клюшкой для гольфа, и бью прямо в окно.

Немедленно вслед за звоном разбитого вдребезги стекла начинает визжать сирена, ее оглушительный рев наверняка разносится на несколько километров по округе, и я не без самодовольства представляю бессмысленную картинку: охранное предприятие, автомобиль с каким-нибудь внушающим ощущение безопасности названием фирмы, малообразованный дюжий парень в дешевой униформе; я продолжаю свое дело – концом трубы смахиваю несколько крупных осколков, потом бегу к дивану у бассейна и беру несколько больших подушек в стиле Новой Англии – засилье бело-сине-красной гаммы, затем кладу их поверх пустой рамы, прежде чем аккуратно влезть в дом.

Внутри он такой же роскошный, как и снаружи, сочетание современной дизайнерской мебели и антикварных безделушек, унаследованных или же отрытых на каких-нибудь аукционах, напольные часы в густавианском стиле, украшен-

ные цветочными мотивами, колоссальных размеров старинный платяной шкаф, расписанный вручную, на стене традиционный даларнский гобелен, огромный камин, в гостиной панорамное фото – шириной метров пять и два высотой – с линией горизонта манхэттенских небоскребов на фоне красочного закатного или рассветного неба, цвета фото заставляют вспомнить о шестидесятых или семидесятых годах прошлого века, несмотря на дорогую раму, этому пейзажу здесь явно не место, и я мельком думаю, что фотография наверняка висела где-то еще, а потом была перевешена сюда из чьих-то сентиментальных побуждений; Крайслер-билдинг, Эмпайр-стейт, Всемирный торговый центр, словно маяк из другого мира.

Я снимаю маску и вдыхаю холодный чистый воздух. Наваливается ощущение усталости, словно наконец попал домой, меня трясет от этой сладостной прохлады, и я понимаю, что в доме работает кондиционер; сирена продолжает вопить, но я игнорирую ее и на автомате прохожу в кухню, здесь повсюду гладкое сверкание нержавеющей стали, я открываю холодильник и осматриваю то, что в нем есть: упаковки с лососем горячего копчения и замаринованными бараньими котлетками на кости, бутылки игристого розового вина, сыр с голубой плесенью, банки с селедкой, тефтели, большая миска салата; тут явно ждали гостей. *«Добро пожаловать, – мурлычет холодильник, – присядь ненадолго, всего на минутку, ты же за целый день ничего не съел, кроме пары печенок, можешь най-*

ти шнур и поставит телефон на зарядку, а потом устрой себе передышку на полчаса».

Достаю с полки банку пива и прижимаю прохладный металл к щеке, другой рукой беру бутылку газированной воды, откручиваю крышку зубами и выливаю себе на голову шипящую булькающую жидкость, жду, пока она стечет струйками прямо на пол, от холода меня бьет озноб. Быстро отыскиваю под раковиной пакет и запихиваю туда все, что годится для удобного перекуса, – порционные упаковки фруктового йогурта, пачку нарезанной салями, гроздь винограда, огурец, открываю буфет, достаю оттуда печенье, изюм, орехи, оглядываюсь вокруг и вижу еще несколько бутылок минералки. С этой поклажей направляюсь к входной двери, рядом с ней красивый резной шкафчик для ключей, открываю его, внутри две связки и целая пригоршня одиночных ключей всех видов и размеров, подойти может любой из них, я закидываю их все в пакет, а потом отпираю дверь, с внутренней стороны на нее наклеены три открытки, одна с сердечком и словами *«Лучшее, что у нас есть, – это мы сами»*, на другой белое облачко на фоне ярко-голубого неба и *CARPE DIEM*¹⁴, на третьей невинное улыбающееся детское личико широким планом и *«Сегодня первый день остатка твоей жизни»*; я вновь натягиваю респиратор и выхожу в зной и дым.

Третий же ключ подходит к навесному замку, а в сарайчике стоит он, точь-в-точь как на фото: оранжевый жучок,

¹⁴ «Живи настоящим» (лат.).

неожиданно маленький, вроде большого мотоцикла, только на четырех тракторных колесах. Позади сиденья у него платформа для багажа, я водружаю на нее пластиковый пакет, осматриваю помещение: электропила, мойка высокого давления, садовый пылесос для уборки листьев, старенький гриль на треноге, новехонький шоссейный велик, все в идеальном порядке, разложено по полкам и ящичкам, так что я быстро нахожу, что искал, – топор, пару рабочих перчаток и канистру с субстанцией, пахнущей бензином.

Приступим. В одной из связок обнаруживается большой пластиковый ключ с логотипом и номером *ATV20 °CC*, я сажусь на квадроцикл и смотрю на приборную панель, ключ подходит. Делаю глубокий вдох и поворачиваю его. Громко всхлипываю от радости, когда слышу мягкий глухой рокот мотора.

Если не считать пары минут во время празднования запуска одного проекта, я никогда прежде не сидел на вездеходе и уж точно ни разу на таком вот внедорожнике, хотя за городом они встречаются повсеместно, как-то на пляже я видел трех девчонок в купальниках, которые ехали на очень похожем на этот, только немного поменьше, ровесницы Вильи, лет по пятнадцать-шестнадцать максимум, они хохотали и галдели так, словно передвигались на надувной игрушке. Я нежно и аккуратно кручу правую ручку и сразу же ощущаю силу, драндулет дергается и вибрирует под моим задом, между ног, под ступнями, он рычит, и я снова вскрикиваю и

играючи, словно всю жизнь только этим и занимался, выр-
ливаю во двор – видела бы она меня сейчас.

* * *

В ту зиму, когда Вилье исполнилось три года и мы забеременели Заком, мы поехали на предрождественские выходные в Оре¹⁵. Идея была спонтанная, друзья только недавно выкупили таймшер в доме у подъемника и хотели отметить это событие вместе с нами – несколько дебютных покатушек, немного рождественского шопинга, в целом ничего особенного.

А потом пошел снег. Под Рождество все реже бывает снег, но в тот год мело всюю, то были красивые, искрящиеся снежным блеском дни, и мы не раз повторяли друг другу, что нам невероятно повезло; белые, запорошенные ели, морозные узоры на окнах, Вилья ковыляет под горкой в своем красном комбинезончике, лепит снеговика, долгие волшебные заезды по свежему снегу на моем новом сноуборде, ожидалось, что Рождество будет белым по всей стране, у нас оставались лишь смутные детские воспоминания о таком, и мы уж точно не верили, что нам снова доведется увидеть нечто подобное.

Вот только снег никак не кончался, он падал и падал, мок-

¹⁵ Популярный горнолыжный курорт на севере Швеции.

рый и тяжелый, и, когда пришла пора ехать домой, все вокруг встало: самолеты не взлетали, на дорогах возникли многочисленные аварии из нескольких автомобилей, машины, забравшиеся на север без зимней резины, съезжали в кювет, в ожидании тягача могло пройти часов десять, один маломобильный пенсионер успел замерзнуть насмерть, сидя в своей машине.

Мы приехали туда на поезде, это было в те времена, когда мы все еще старались добираться куда можно на поезде: до Лондона, до Берлина, в первое лето нашей любви мы отправились на поезде в Грецию, четверо суток, восемнадцать пересадок. Но когда мы собрались домой, никакие поезда из Оре не ходили, пути занесло снегом, стрелки примерзли, светофоры поломались, составы вышли из строя, на станции царил хаос, отчаявшиеся семейства, которые забронировали себе домик на неделю, а теперь остались без крыши и не могли вернуться домой, были организованы автобусные маршруты, чтобы люди имели возможность добраться до Сундсвалля или хотя бы Эстерсунда, но очень скоро автобусы оказались переполнены, а потом и они застряли в образовавшихся пробках, а у нас на руках был трехлетний ребенок, и нам не хотелось рисковать.

В итоге мы остались с друзьями в их квартирке, шли дни, мы сообщили каждый своему работодателю, что им придется как-то справляться без нас, ничего особо страшного не произошло, у нас у всех были при себе компьютеры, мы мог-

ли работать удаленно, начальники и коллеги даже находили какое-то очарование в том, что мы застряли в горах и что газетчики придумали название «СНЕГОВАЛ»¹⁶ – этакий захватывающий роман с продолжением, за которым они могли следить лишь на расстоянии, радостные сообщения и смайлики типа: *как вы там, в СНЕГОВАЛЕ, и мы за вас кулаки держим и болеем за вас.*

Но дни сменялись днями, и мы начали понимать, что придется нам и Рождество провести в Оре, утрамбовавшись в квартирке, которая теперь стала казаться весьма тесной и унылой, а Вилле с Лизой, пара, решившая по климатическим соображениям не заводить детей, со всей ясностью стремились показать нам, что гораздо охотнее наслаждались бы магией праздника наедине в своем дорогушем джакузи и в спальне с зеркальным потолком. Мы планировали встретить Рождество с мамой Каролы в загородном доме на севере, она совсем недавно овдовела и снимала для нас видео: свечи в красных подсвечниках на фоне белой скатерти, потрескивающий огонь в камине, горы подарков под елкой для Виллы, и накануне Рождества Карола разрыдалась и выдавила: *«Ну пожалуйста, Дидрик, неужели ничего нельзя сделать, неужто это совершенно невозможно?»*

Я подхватил куртку и отправился в центр городка. Все пункты аренды машин закрылись на праздники, да и маши-

¹⁶ Обильный снегопад 2011 г. действительно дал шведскому языку новое слово, которое вошло в обиход с легкой руки журналистов газеты «Афтонбладет».

ны-то давно уже разобрали, но в отдалении, у спусков, я успел заприметить кое-что другое. Там готовили трассу к чемпионату мира, который должен был проходить под Новый год, кругом стояли таблички, запрещающие проход, вся та часть горы была заставлена строительными вагончиками и экскаваторами, территория со всех сторон обнесена забором, но впотьмах я отыскал угол с большими сугробами, по которым легко смог вскарабкаться и перелезть; я бродил по безлюдному пространству: стенды с названиями компаний-спонсоров, большая трибуна, ратраки, скользившие на своих гусеницах вверх и вниз по отвесному чемпионскому склону, а снег все продолжал сыпаться.

Вдали у зоны финиша – под выверенным углом, так чтобы попадать фоном в кадр, когда камера дает увеличенный план лыжника в момент после торможения, пока тот щурясь смотрит на табло с временем и с улыбкой машет зрителям, – высилась витрина, а в ней стоял «Рейнджровер» бархатисто-синего цвета.

Я достал телефон и стал звонить.

Два часа спустя, ближе к полуночи, я вырулил сквозь метровый проем распахнутой витрины и поехал по улицам города; снег прекратил идти, звезды светили мне сквозь панорамную крышу, и именно в этот момент, в этом месте до меня вдруг дошло, что правду говорили мужики постарше у нас в бюро за обедом или поздними вечерами на выездных конференциях в отелях, когда на телефон приходили опове-

щения об ураганах в Мозамбике, наводнениях в США, голоде в Йемене или массовой волне самоубийств в Южной Америке, Северной Африке или Австралии, они говорили, что *контрамарки точно будут*, и звучало это не гордо и не высокомерно, а просто как сухое изложение фактов, и я понял, что если только потянуть за нужные ниточки, если сделать верную ставку, если только решить – раз речь идет обо мне и о безопасности и свободе моей семьи, – то нет никаких пределов того, на что я готов, и тогда выход найдется, тогда контрамарки точно отыщутся.

Я припарковал машину перед домом, прокрался внутрь и разбудил Каролу, сказав ей собирать вещи, их и было-то немного, мы ведь собирались провести здесь одни выходные. Я закинул все в бездонный багажник, она вышла, держа на руках нашу дочь, завернутую в одеяльце, и увидела громадный внедорожник, широкие, новенькие колеса с зимней резиной, и вот тогда-то все и случилось, когда, узрев мощь, комфорт, полноприводность автомобиля, который я раздобыл для нас, она не поцеловала меня, не сказала, что любит, даже не посмотрела мне в глаза, а произнесла: *«Где детское кресло?»*

Поначалу я даже не понял вопроса, пробормотал как в бреду что-то вроде того, что Вилья может сесть на подушки.

«У нее должно быть развернутое против движения детское кресло, ты что, не понимаешь?»

«– Меня просто накрыло, – сказал я много лет спустя на

сеансе психотерапии. – Такое разочарование. Я ожидал... даже не знаю... Чего-то большего.

– Чего же, *медаль*, что ли? – Карола выдавливала слова между всхлипываниями, сопли текли вдоль уголков губ, и мне пришлось отвернуться, чтобы не поморщиться от брезгливости.

– Чтобы ты решила, что я *молодец*, – ответил я слабым голосом. – Чтобы сказала что-нибудь *приятное*.

– Дидрик, – вмешался психотерапевт с весьма заинтересованным видом, – почему вам необходимо одобрение Каролы?

– Не одобрение, – проямлил я. – А, наверное, чтобы она один хренов раз выразила хоть каплю...

– Благодарности? – Ей даже удалось изобразить сарказм между всхлипами.

– Да, вообще-то, – холодно улыбнулся ей я. Терапевт пометил что-то у себя в блокноте. – Для разнообразия. Капельку долбаной благодарности».

«*Сидеть по направлению движения ей можно будет только с четырех лет, думала, ты и сам это знаешь*, – сказала она, я сунул ключи ей в руку и ответил: – *Делай, блин, что хочешь, я пошел спать, с Рождеством*». Через несколько минут мы, разумеется, уже катили в сторону Даларны, она сидела с Вильей на руках и дремала, остаток ночи мы не сказали друг другу ни слова, как и за все Рождество.

Но даже ссора и молчание не могли разрушить очарова-

ние часов, проведенных за рулем, пока я петлял на рассвете по узким даларнским дорогам, а снег лежал пухлым белым покрывалом, как ванильное мороженое, – Эстанвик, Суннанхед, занесенная снегом церковь, дым из труб, моя спящая семья на широченном заднем сиденье – равно как тревожное состояние, вызванное всем – унижением, махинациями, преградами, на которые мне пришлось закрыть глаза, чтобы одолжить на три дня астрономически дорогой спонсорский автомобиль, для чего один из устроителей сочинил историю об особом сервисном обслуживании в Стокгольме, – ничто не могло замарать триумф от того, что я *справился*, отказался быть маленьким человеком, тем, кто сидит и ждет, как голодный птеник, чтобы Папаша Государство и Мамаша Банковская Система разобрались с его неприятностями, а вместо этого засучил рукава и просто со всем *справился*.

Такое же смачное чувство, только еще во сто крат ярче, я испытываю, сидя верхом на квадроцикле, направляя его вниз по лесной дороге обратно в Эстбьёрку и останавливаясь у доски объявлений, чтобы забрать икеевский мешок, который так и лежит в прицепе, а потом меня вдруг озаряет, я сдаю назад, начинаю ковыряться, и в результате после нескольких минут потной возни мне *удается-таки* накрепко прикрутить прицеп к фаркопу, только дым и зной не позволяют мне поддаться желанию запеть во весь голос.

Я убеждаю себя, что на этот раз меня ждет не такой холодный прием, что даже если она не падет тотчас ниц и не

выкажет мне благодарность за наше спасение из этого ада, а станет ныть о том, где сядет Бекка, или где я взял такую тачку, или почему я так долго отсутствовал, я не буду злиться, не буду грубить и ругаться, а просто спокойно скажу, что это лучшее из имеющегося, что на этом можно добраться до Реттвика: *я решил проблему как мог, а теперь поехали.*

Хватит надеяться на признание. Хватит ждать аплодисментов. Будь взрослым.

«Ты просила вытащить нас отсюда, я это и делаю». Что-то в этом духе.

А крохотные ручки Бекки обовьют мою шею.

* * *

Коляска одиноко стоит в канаве на обочине.

Дымовая завеса уже так сгустилась, дорогу, лес и небо так заволокло, что я едва не проезжаю мимо. Коляска вывернута ручкой к дороге, словно кто-то намеревался пойти с ней напрямиком в лес, но потом раздумал. Козырек коляски поднят, я узнаю ткань, различаю мелкие детали, коньячного цвета кожаные вставки на ручке, под коляской – маленькая белая подушечка на молнии, эту подушечку можно превратить в дождевик, легко и быстро надеть поверх коляски, и предназначен он именно для этой модели.

И все.

Белая табличка компании DalaEnergi, желтая посверкива-

ющая обертка от печенья в синей велосипедной тачке, втиснутая между молочной бутылкой и камнем с надписью «*СЕМЬЯ ЯНСОН*». Именно здесь я оставил их три четверти часа назад. Ну, от силы час назад.

Я останавливаюсь, глушу мотор, спрыгиваю с квадроцикла. Кричу сначала «*КАРОЛА*», потом «*КАРОЛА, ВИЛЬЯ*» и, наконец, просто «*АУ*», много раз подряд выкрикиваю это *АУ*.

Ответом мне лишь тихий шелест деревьев, дальний вой сирен, и за всем этим я различаю словно приглушенный непрерывный фон: завывание. Треск. Пожар.

Кричу опять. Ору, воплю. Стоя у коляски, ощупываю оставшуюся внутри люльку из нежного гипоаллергенного материала, одеяльце и пеленка исчезли, но я нахожу маленькую тряпичную куклу желтого цвета, ее купил Зак в том детском магазине, Бекка любит утыкаться в нее носиком, когда засыпает, за что мы прозвали куклу Снуфсиком, я достаю ее из коляски, прижимаю к лицу и вдыхаю запах молочной отрыжки и дремы, прежде чем снова взвыть во весь голос. «*АУ*».

«Я же сказал тебе ждать».

И все же ни злости, ни разочарования от того, что она – они бросили меня одного здесь, только стыд, это ведь я их бросил, сбежал, мне следовало объяснить ей задумку с квадроциклом, но я боялся, что она будет против или станет ссориться и ругаться, и опять начнется вся эта тягомотина, про-

ще было сделать, как я и сделал.

«Они пошли дальше. Мы направлялись в Ованмюру, и они пошли дальше, может, увидели кого-то, может, испугались и просто побежали».

Хлопья сажи, кружась, падают с неба.

Я кладу Снуфсика обратно в коляску, снимаю люльку, складываю шасси и запикиваю все в прицеп, потом забираюсь обратно на квадроцикл и пускаюсь в путь в том направлении, куда они могли уйти.

Через несколько минут передо мной открывается сельский пейзаж: сквозь дымку я вижу дома, церковь, футбольное поле, повсюду гнетущая тишина и запустение, я, наверное, проскочил указатель, это наверняка Ованмюра, и я снова кричу «КАРОЛА», хотя сквозь рев мотора едва слышу собственный голос, «КАРОЛА», а потом «АУ»; рядом с церковью стоит автобус.

Однако...

Самый обыкновенный, старый добрый рейсовый автобус на холостом ходу, на табличке надпись «В ДЕПО», а перед ним – прыщавый парень лет двадцати в комбинезоне и кепке с логотипом, без респиратора, он стоит и курит сигарету как ни в чем не бывало, бормочет что-то в рацию; когда я притормаживаю рядом с ним, он вскидывает на меня усталый недовольный взгляд и жестом указывает на пылающий на горизонте лес.

– Еще кого-нибудь видели? – перекрикивает он шум на-

ших двигателей, в ответ я мотаю головой.

– Вы не видели женщину? – задаю я вопрос. – Блондинку? С младенцем?

Но он меня не слышит и возвращается к разговору по радиации. В автобусе кучка людей, мне слышен лай собаки, детский плач, я снова ору «КАРОЛА», но тот ребенок старше Бекки, Бекка не умеет разговаривать, а эта девочка раз за разом зовет папу. Мужчина в возрасте, ему, наверное, около шестидесяти, встает в дверном проеме, седые волосы, а лицо черно от сажи, белое кольцо вокруг рта, где была маска, к груди прижат ноутбук, в руке пакет из «Систембулагета»¹⁷, он кричит:

– *Не видал черного пса? Бернский зенненхунд.* – Я отрицательно качаю головой, но он снова повторяет: – *Черного пса? Бернского зенненхунда?*

В окне показывается кричащий ребенок, полная рыжеволосая девочка в футболке с радугой и единорогом, лицо – розовый комок крика и плача, она вопит мне «*nana*», а я просто тарашусь на нее в ответ.

– Женщина, блондинка? – повторяю я. – С младенцем? И девочкой-подростком?

Парень в кепке пожимает плечами:

– Мы не можем за всеми уследить. У нас тут было два автобуса, один уехал полчаса назад.

¹⁷ Сеть винно-водочных магазинов в Швеции, которая владеет монополией на продажу алкоголя в стране.

– Но вы же должны знать, кого возите? – Я тычу в рацию в руке у парня: – С кем вы там разговариваете? Можете спросить, вдруг они знают?

Он делает отрицательное движение головой с важным видом мальчишки, которого назначили богом:

– Руководство сейчас занимается эвакуацией в Му́ре. Хотят, чтобы я ехал на север.

Пожилой мужчина так и стоит в дверях, напряженно вслушиваясь в наш разговор.

– А в Эстбьёрке искал? – услужливо интересуется он.

– Мы там были сегодня, – шиплю я в ответ. – Там ни рожи не осталось.

– А собаку видели? – нетерпеливо продолжает он. – Черную, бернского зенненхунда?

– Речь о моей жене, – говорю я, испытывая неприязнь к собственному голосу. – О моей жене и двух дочерях. Нашего сына забрали другие люди, чтобы подкинуть до Реттвика.

– Ну и ладненько, значит, повезло вам, – кивает парень в кепке, чуть обрадовавшись. – Я через семь минут в Реттвик выдвигаюсь.

– У нас грудной младенец, – монотонно продолжаю я. – Трехмесячная девочка. Она сейчас где-то здесь.

– А может, уже и в Реттвике, – вздыхает парень в ответ и аккуратно гасит сигарету о гравий. – Народ туда как только не добирается. Я сегодня утром видел, как один чувак вез кучу народа на моторке, короче, он своих-то детей в машине

вез, а моторная лодка у него на прицепе, и в ней семь три сидело, полный дурдом, в общем.

– У меня телефон разрядился. Вы должны поднять тревогу. Вертолеты. Хоть что-то сделайте.

– Мы не можем за всеми уследить, – повторяет парень. – Начальство сказало везти всех, кто захочет, в Реттвик. Хотите – поехали, не хотите – дело ваше. Через пять минут.

Он поднимает руку, раздвигая пальцы, а другой выуживает новую сигарету.

* * *

«Я больше не буду смотреть порнуху в интернете».

Я проехал Эстбьерку, направляюсь обратно, на табличке надпись *«ПРОДАЕМ СВЕЖУЮ КАРТОШКУ»*, я думаю, что *буду чаще звонить маме с папой, перестану сердиться на Вилью, буду чаще прислушиваться к болтовне Зака, читать больше книжек-картинок с Беккой, стану хорошим сыном и отцом, всегда буду рядом, по-настоящему рядом.* Дорога идет вверх и изгибается вправо, делянка, заброшенная усадьба с конференц-центром, *буду три дня в неделю есть веганскую еду.*

Она бы так ни за что не поступила. Чтобы они с Вильей оставили коляску и несли Бекку всю дорогу до Ованмюры на руках, влезли в автобус и уехали в Реттвик, не оставив мне даже записки через тех, кто оставался у церкви, – просто

невообразимо, *буду ежемесячно делать отчисления в Фонд защиты природы Эмнести – спасем детей.*

Она никогда бы меня тут не оставила.

Впервые мы встретились с ней по работе, перекидывались несколько раз мейлами, и я, руководствуясь минутным порывом, спросил, не хочет ли она как-нибудь поехать со мной искупаться, выходные обещали быть жаркими, градусов до тридцати. И вот нескончаемая волшебная суббота, мы лежим на покатых камнях в шхерах и жаримся на солнышке, Карола читает какой-то феминистский журнал, я – серию научных обзоров, посвященных метановым газам в Сибири¹⁸, потом мы задремали ненадолго, а когда проснулись, я взял ее за руку с самоуверенностью, которая поразила меня самого, и отвел в лесок, она ни слова не произнесла, но, кажется, была приятно удивлена, а после просто смела нескольких муравьев с ляжек, когда же мы вернулись на камни, она умиротворенно улыбнулась и сказала: *«Ну что, пойдём, может, искупнемся».*

Вечером мы устроили барбекю у нее в саду перед маленьким домиком – она все еще делила его с мужчиной, которого решила бросить, – а после еды трахались на кухонном полу;

¹⁸ Вероятно, здесь речь идет о территориях вечной мерзлоты, которая считается огромным хранилищем органики. Трупы животных, травы и кустарники столетиями были законсервированы, но в последние десятилетия мерзлота начала активно таять, что запустило процесс разложения органики. Недостаток кислорода в почвах привел к тому, что при разложении органики образуется не углерод, а метан, который ускоряет глобальное потепление.

потом я сел в автобус и уехал домой, и ни я, ни она, пожалуй, тогда не планировали новых свиданий.

Но как бы то ни было, тем летом мы вновь и вновь случайно встречались в пабах и в барах, как-то вечером я привел ее в свою тесную однушку; лежа голышом, накрытый ее молодым разгоряченным телом, впервые, будучи не где-нибудь, а в Швеции, ощутил, что с меня ночью течет ручьями, да так, что подо мной буквально образовалась лужа собственного пота; удушливая гнетущая жара, несмотря на то что все окна настежь распахнуты в августовскую ночь, в газетах все еще мелькали тогда заголовки типа *«СУПЕР-ЛЕТО ПРОДОЛЖАЕТСЯ!»* и *«СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ЖАРА ОПЯТЬ ВЕРНУЛАСЬ!»*, как будто такому пеклу нужно радоваться и ждать его с нетерпением; пляжи и уличные кафе, потные вечера на музыкальных фестивалях, счастливые дети резвятся под струями воды из шланга – времена, когда жара на Средиземном море рифмовалась с коктейлями в бокалах с зонтиками и полосами солнечного света.

Но жара – это смерть, думаю я, сидя на квадроцикле и глядя на языки пламени, танцующие среди верхушек деревьев. Она убивает, от нее все чахнет, жухнет, тает и обращается в пепел. Жара делает нас медлительными, вялыми, пассивными и безучастными. А потом приходит огонь. И с ним истребление.

Бекка. Маленький беззубый ротик. Громкие гуляющие звуки, которым она выучилась и стала все чаще издавать в по-

следние недели. *«Если я смогу еще хотя бы раз поддержать ее на руках, то урежу себе рабочие часы и мы станем патронатной семьей для детей-беженцев, приехавших в Швецию без сопровождения взрослых».*

Вот и табличка *«НЕУПРАВЛЯЕМЫЕ ДЕТИ И БЕСПЕЧНЫЕ ПЕНСИОНЕРЫ»*, поленница, брошенный в канаву велосипед.

«Они прошли пешком всю дорогу обратно до дома, – эта мысль медленно проворачивается в моем мозгу, парит в моем сознании. – Они почему-то вернулись, чтобы завести машину, а теперь сидят там и ждут меня». Но ведь такого, конечно, не может быть, я останавливаю квадроцикл, паника захлестывает меня, отзываясь тяжелыми спазмами тошноты.

Раздается шорох сухой палой листвы, треск и цокот, и я вижу трех косуль, одна покрупнее, две другие поменьше, они несутся от лесной опушки через дорогу и исчезают по другую ее сторону.

«Они бегут. Спасаются бегством, совсем как те пожарные машины, которые встретились нам недавно».

Я сдаю назад, квадроцикл чуть накреняется, когда прицеп теряет равновесие на обочине, я разворачиваюсь.

«НЕУПРАВЛЯЕМЫЕ ДЕТИ И БЕЗЗАБОТНЫЕ ПЕНСИОНЕРЫ»

«ЭСТБЬЁРКА 3»

«ПРОДАЕМ СВЕЖУЮ КАРТОШКУ»

Табличка DalaEnergi. Велосипед с тележкой.

Вот где мы остановились, и вот где мы видели, как они едут в нашу сторону, а потом сворачивают с дороги вправо; я снижаю скорость и проезжаю вперед. Никаких табличек, никакой разметки, только ухабистая лесная дорога, которая петляет среди сосен, она уходит немного вниз, воздух кажется чуть менее тяжелым, кусты чуть зеленее, тени побольше. Чьи-то плавки висят на дереве, что-то поблескивает между деревьями сквозь дымку. Пляж. Озеро.

Днем я видел самолет, тот самый «бомбардировщик». Где он набирал воду? Откуда берут воду пожарные машины?

«Они пошли вслед за ними. Отправились к озеру, к самолету».

Квадроцикл подпрыгивает и кренится на тряской дороге, она идет все круче вниз, становится все уже, ехать здесь можно с большим трудом. Я вижу мостки, вдали какой-то силуэт, руки обвивают ребенка, я снова воплю «КАРОЛА» и «АУ, я не оставлю тебя, я никогда не оставлю тебя, никогда больше не оставлю, никогда не сбегу, никогда больше не буду есть мяса, никогда больше не буду жалеть о том, что я с тобой», – прицеп подпрыгивает позади квадроцикла по мере того, как я спускаюсь в самый низ к маленькому пляжу, но здесь пусто.

Здесь совершенно пусто.

На мостках только столб с висящим на нем оранжевым спасательным кругом. А повсюду вокруг безлюдного черного озера горит лес, большая пылающая сосна обрушивается

ся в тихую воду на дальнем берегу – медленно, со стоном, треском и шипением ухает вниз. Пепел и искры взметаются в воздух подобно рою насекомых и жалят, тлеющие крупы зло жгут, приземляясь мне на оголенные руки, плечи, грудь, на руках у меня рабочие перчатки, я неуклюже пытаюсь смахнуть с себя пепел, как вдруг замечаю боковым зрением странный отблеск, и в следующее мгновение меня пронзает боль, я кричу и бью руками по голове, пытаюсь смахнуть огонь, реву и вою от боли, тянусь к багажной корзине за бутылкой воды и, чуть не роняя, выливаю ее содержимое себе на голову.

Продолжая всхлипывать и постанывать от боли, пытаюсь развернуть квадроцикл, но место слишком узкое для прицепа, пляж огорожен большими камнями, мне нужно сдать вверх, я пробую въехать задом по крутому склону, дым въедается в глаза вместе с углекислым газом от минералки, я нахожу подходящее место и сильно сдаю назад, подальше от озера и пляшущего огня, квадроцикл трясется, его шатает, раскачивает, прицеп разворачивает не в ту сторону, и он влетает в кусты, я матерюсь, подаю вперед, потом снова пытаюсь сдать задом, теперь дело идет лучше, я взбираюсь повыше в лес, вот я уже среди деревьев, которые защищают меня от этого ужасного дыма.

«Вали. Надо сваливать».

«КАРОЛА!» – снова ору я во весь голос.

«Она наверняка сидит сейчас и попивает латте макиато»

в каком-нибудь уличном кафе в Реттвике. Бекка спит, лежа на пледике в тени. Вилья уткнулась в телефон. Зак читает книжку».

Шок отступил, я притрагиваюсь рукой к волосам, вскрикиваю, когда грубая ткань перчатки касается обожженной раны на голове.

«У меня загорелись волосы. Я угадал квадроцикл и несколько часов ездил по округе с прицепом в поисках вас, но потом у меня начали гореть волосы, и, в общем, я сдался».

Я продолжаю ехать задом вверх по склону, бросая взгляды за спину, дорога в том направлении выравнивается и становится шире.

«Нет, я не сдался. Вы ведь ждали меня тут, в Реттвике. В конце концов я вычислил, что вы отправились туда».

Доехав до конца тропы, я снова оказываюсь на лесной дорожке и начинаю выруливать колеса, чтобы развернуть прицеп, но наталкиваюсь на что-то, корень или камень, что-то мешает колесам, и в этот момент порывом ветра приносит серое клубящееся облако дыма и пепла, я слепну и газую вперед, чтобы перескочить через препятствие, но сзади что-то застряло, я переключаю на заднюю передачу и снова газую, чувствую, как колеса высвободились, что-то отпустило, приподняло, я бросаю взгляд вперед, чтобы понять, куда двигаюсь, но впереди сплошной серый туман, и когда я снова газую, то скорее слышу, чем чувствую, что колеса оторвались от земли, и точно так же скорее хлещущие меня по лицу и

торсу ветви, а совсем не потерянное равновесие, дают мне понять: квадроцикл с прицепом переворачивается. А дальше все оказывается вверх ногами, лязг, стук и металлический грохот, летящая на меня сверху кувалда, сейф, меня прижимает к твердой сухой земле, плечом к стволу дерева, к шероховатой коре, немой, безразличной, не имеющей ни капли милосердия.

* * *

— Потому что природе на нас насрать.

Это самое важное, мы должны попытаться это осознать.

Природе нет до нас никакого дела.

Она не скажет вам спасибо за покупку гибридного электромобиля. Не станет добрее, если вы установите солнечную панель. И она вовсе не считает, что вы имеете право слетать к умирающей сестре, даже если потом не будете летать всю оставшуюся жизнь. Она не пошлет на землю немного больше дождей за то, что вы решили завести всего двух детей или одного или вообще их не заводить. И ваши хождения на выборы не подталкивают ее поглощать больше или меньше углекислого газа. Она не постарается сохранить коралловые рифы, ледники и дождевые леса за то, что вы уговорили своих детей съесть хоть чуть-чуть фарша из растительного мяса. Ничто из того, что мы сейчас пере-

живаем, не может поменяться под влиянием наших нынешних действий, это последствия решений, которые были приняты или скорее не были приняты десять, тридцать, а то и пятьдесят лет назад.

Природа не ведет переговоров. Ее нельзя переубедить, умиловить, принудить к чему-то угрозами. Мы сами – природная катастрофа, которая эскалировала за последние десять тысяч лет, мы – шестое массовое вымирание¹⁹, мы – сверххищник, смертельная бактерия, инвазивный вид²⁰, но для природы мы лишь рябь на поверхности земли. Нелепица, просто чих, ночной кошмар, и ты даже не помнишь, что успел о нем забыть после пробуждения.

Она окидывает аудиторию взглядом, делает театральную паузу, отпивает глоток воды.

– Когда мы говорим, что «разрушаем планету» или «вредим природе», все это – эгоцентричная ложь. Мы не разрушаем планету. Мы разрушаем только собственные возможности существования на ней.

У тех из вас, кто занимается формированием общественного мнения, разумеется, есть клиенты, которые хотят, чтобы потребители их услуг воспринимали их как по-

¹⁹ В истории Земли было пять массовых вымираний, в последнем из которых вымерли динозавры. Существует теория, что мы живем в эпоху шестого массового вымирания, происходящего преимущественно по вине человека.

²⁰ Биологический вид, который распространяется за пределы своей естественной среды обитания в новые места, где угрожает местному биологическому разнообразию и часто вытесняет естественных конкурентов.

ложительных, высокоморальных и ответственных людей. И компании, и им нужна ваша помощь в том, чтобы поддержать их стремление бережнее расходовать энергию, стать экологичнее, устойчивее, и все это замечательно, речь совсем не об этом, ничего плохого нет в том, чтобы стремиться быть положительными.

Она понижает голос на пол-октавы:

– Но не упускайте из виду и другой аспект. Все больше потребителей сегодня осознают не только проблему климатических изменений, но и конечности мира. Осознают, что вообще-то уже слишком поздно. Что все потеряно. Что наша цивилизация клонится к закату, а в перспективе и весь наш вид, разумеется. Большинство из нас полагает, что человек просуществует на этой планете еще сто лет, вполне вероятно, что и триста-пятьсот, в каком-то виде, хотя бы в каких-то регионах, но тысячу лет? Или десять тысяч? Это же просто смешно, с чего бы вдруг?

Она улыбается, демонстрируя белоснежные зубы.

– И есть в этом некая свобода. Некое утешение. Нет никакой проблемы экологии, никакого климатического кризиса, нет никакой гибели мира. А есть или было всего лишь млекопитающее, расплодившееся настолько, что в конце концов разрушило все экосистемы, от которых само и зависело, совершив таким образом коллективное самоубийство, что весьма печально, особенно если принадлежишь к этому виду. Но, если взглянуть на проблему в масштабе несколь-

ких миллионов лет, с космической или эволюционной точки зрения, то все это несущественно. Не имеет вообще никакого значения».

Она обводит взглядом зал. Кто-то делает пометки, но большинство просто сидит и внимательно слушает.

– Так что же ИМЕЕТ значение?

Она проходится ищущим взглядом по задним рядам. Задиристо подмигнув мне, скользит глазами дальше и задерживается на молодом парне в розовом дизайнерском свитшоте и дорогущих кожаных английских ботинках, его недавно взяли в одну крупную компанию.

– А значение имеет хорошее красное вино. И темный шоколад. И сочные бифштексы. И красивая одежда. И сказочные путешествия в экзотические страны. И хорошие машины. И сверхумные сверхсовременные гаджеты.

Улыбка становится шире:

– И возможно... возможно, немного сказочного секса.

Среди публики раздаются смешки. Она поправляет длинную прядь черных волос.

– Имеет значение ваша способность внушить клиентам и потребителям их услуг, что стыдиться нечего. Не стыдись того, что ты человек, гордись этим.

Она вновь скользит взглядом, чтобы теперь уже задержать его на мне. Проникнуть в меня. Лицо ее становится серьезным, голос – приглушенным:

– *Последние слова принадлежат Транстрёмеру*²¹. *Он-то знал. Мы не плохие люди. Мы просто люди.*

* * *

– Это просто руль.

Сквозь дым доносится сдавленный сиплый голос.

Тяжесть перемещается, гора железяк медленно прокатывается по моим ребрам. В дыму все расплывается, я даже не знаю, открыты у меня глаза или закрыты, но слышу или чувствую хруст и боль, и внезапно давление ослабевает, затем пружинящий хлопóк, который многократно отдается в спине, когда квадроцикл приземляется совсем рядом, но не на меня – мое тело свободно, оно легко и мертво, как мешок золы.

Рука немилосердно тянет меня вверх, я помогаю, опираясь на дерево, различаю опрокинутый квадроцикл, до сих пор урчащий на холостом ходу. Кто-то хрипит, отхаркивается: «*Идти можешь?*» Вместо ответа я опираюсь на чью-то руку или плечо и, прихрамывая, иду вперед, с левой ногой что-то не так, она скрипит и сопротивляется, но в остальном, кажется, ноги вполне в состоянии двигаться, а может, все-таки нет – меня начинает шатать, я валюсь навзничь, как

²¹ Тумас Транстрёмер (1931–2015) – известный шведский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (2011) и множества других литературных премий. Цитируется строка из стихотворения «Романские арки».

плюшевый мишка, а кто-то рывкает: «*А ну-ка подъем!*» – голос старческий, надтреснутый, скрипучий, и снова эта твердая цепкая рука, я встаю, делаю шаг вперед, пытаюсь вдохнуть, и, несмотря на респиратор, легкие наполняются терпкой ядовитой грязью. Мы выходим из леса, чуть светлеет, я смотрю на человека и вижу седые волосы над сине-белым шарфом, намотанным на лицо. На дороге стоит «Вольво» винно-красного цвета, старый угловатый автомобиль середины 1980-х, старенькая *колымага для широких масс*.

Задняя дверь открывается, и оттуда с криком выскакивает Карола, а за ней Вилья, обе рыдают и перекрикивают друг друга. «*Дидрик, милый, папочка*». Я, наверное, снова падаю, потому что они помогают поднять меня на ноги, я повисаю у них на плечах, и меня волокут в «Вольво», я падаю на обжигающе горячее заднее сиденье, а там лежит она, голенькая, на одеяльце, она мертва, я знаю, она мертва, у нее слезь вокруг рта, поблескивающий безжизненный взгляд, *боже, нет-нет-нет*, я целую ее грязные маленькие щечки, плечики, лобик, она закашливается и кричит, пронзительно, с дрожью в голосе, глаза – две слепые слезящиеся щелочки.

Карола залезает внутрь вслед за мной и быстро захлопывает дверцу, а потом снова вскрикивает, увидев мою обожженную голову. После этого с неприязненным и испуганным видом склоняет голову и смотрит мне между ног, и я, хоть мне этого и не хочется, вынужден опустить руку и потрогать, что там. Мокрая липкая жижа покрывает все в

области паха и гультфика, я поднимаю руку к лицу: это моча-деремо-кровь – нет! – это грязно-белая каша с кислотным запахом.

Йогурт. Фруктовый йогурт. Баночка, которую я взял в том доме, наверное, ее раздавило, когда я перевернулся.

На водительском месте лежит серая ветровка. Старикан стянул шарф, лицо у него покрыто гарью, глаз дергается, но он сидит с прямой спиной, руки твердо держат руль, взгляд устремлен вперед.

– Вот и ладно, – говорит он и судорожно закашливается. – Больше нам никого подобрать не надо?

«Коляска, – вяло сообщаю я. – Коляска осталась в прицепе, она стоит в целом состоянии». Но я ничего не произношу вслух, машина трогается рывком, что-то шумит, трясется, я сползаю, скатываюсь вниз с сиденья в промежуток за креслом, на котором сидит Вилья, затертый замызганный резиновый коврик оказывается у самого лица, и как же чудесно после всего уступить, отпустить хватку, покориться, и наконец-то проблеяться.

* * *

– ...вот так... эй... пожалуйста, нам надо...

– ...он дышит? мой сын... приоритеты...

– ...надо в больницу... неужели не видите, что...

– ...несколько часов там и...

– ...эй, черт бы побрал...

– ...ладно, но только если вы не... четырехмесячный младенец...

– ...налево... лево...

– ...это же, блин, позор какой-то, что вы...

– ...эй, деньги с наших налогов...

Мир – это пруд, трясина сомнений, а я лежу на самом дне и слышу голоса, будто голоса темных древних рыб там, у поверхности, иногда это Вилья, иногда Карола, машины то газуют, то тормозят, дверцы снова хлопают, моторы фыркают и грохочут, шум, плач, незнакомые голоса, пронзительные, строгие или просто равнодушные, сирены, ревушие дети и лающие собаки, а потом мы останавливаемся, двери открываются, и прохладный чистый воздух струится надо мной, я закашливаюсь, отхаркиваюсь, тяжело дышу, чьи-то руки на моих плечах и ногах – *«Вытаскивайте его!»* – некоторое мгновение я парю в воздухе, потом снова одеяло, земля, дно и голоса, а еще холодная-холодная вода прямо в лицо, она стекает по лбу и подбородку, по шее, рана на голове пробуждается к жизни, и я делаю вздох, от которого щиплет и жжет в носоглотке, я кричу, и меня снова рвет.

– ...куда ты ушел?

Голос Каролы, ее ладони на моем лице, она стоит надо мной на коленях с тряпочкой в руке и аккуратно обтирает мне кожу вокруг глаз, красное пластмассовое ведро, желто-зеленая трава, красные домики.

– ...куда ты ушел, мы тебя искали?

Перед глазами снова все плывет, я опускаюсь обратно в грязь. «Бекка, – думаю я, – Бекка». И, похоже, думаю довольно громко, потому что Карола быстро отвечает что-то успокаивающее про *медиков*, стыд оттого, что я не рядом со своими детьми, а лежу тут в нокауте, настолько невыносим, что я пытаюсь сесть, но под ребрами начинает колоть, опершись на локоть, я оседаю обратно со стоном и всхлипами.

Щурясь, сквозь резь в глазах различаю озеро с пустым горизонтом и отражающийся в воде летний вечер, песчаный берег, поодаль толпа людей, зеленые палатки, грузовики, я поворачиваю шею и вижу ряд одинаковых красных домиков с верандами и белыми наличниками, вывеска радостно приглашает в «*КЕМПИИНГ НА СИЛЬЯНЕ – ДАЛАРНСКАЯ РИВЬЕРА*».

– Мы в Реттвике, – сообщает она. – Просто лежи спокойно.

– Зак! – Голос у меня слабый, еле слышный, это даже не шепот.

– Попозже пойдем и узнаем, наверняка кто-то тут есть... какая-нибудь там служба информации вон в тех палатках.

Я снова оседаю и закрываю глаза, но она продолжает спрашивать: «*Куда ты ушел?*» – а может, она и не говорит ничего, может, это магнитофон – Карола у меня в мозгу работает на автомате и рассказывает то, что я и сам давно понял: как старик приехал на своей древней «Вольво» спустя несколь-

ко минут после моего бегства, как они, пытаясь найти меня, колесили по округе *«вдоль и поперек повсюду, и понять не могли, и так странно, и Бекка уже почти не дышала, и нам показалось, что мы увидели тебя на таком, знаешь, странном мотоцикле, и мы стали кричать, но ты просто проехал дальше, и мы могли быть здесь на несколько часов раньше».*

– Я бы забрал вас, – говорю я, но получается какое-то нытье. – Вы должны были дождаться меня.

Она опять берется за свою тряпочку, я узнаю ее – это один из нежно-розовых носочков Бекки, толстая мягкая ткань касается моих век, *не думай об этом, теперь мы здесь, вместе.*

Проходит несколько минут, а может, часов, и мы замечаем Вилью, которая идет со стороны палаток, на руках у нее младшая сестренка, она движется решительным шагом, и меня свербит от тревоги и гордости, когда я вижу, как взросление тяжелой тенью легло на ее лицо, следом за ней идут мужчина с седой бородой и женщина с короткой стрижкой, оба в военной форме цвета хаки. Вилья огибает мое полулежащее тело, как если бы я был попрошайкой у входа в супермаркет, и аккуратно передает Бекку Кароле.

– Это и есть твои родители? – взволнованно спрашивает женщина и продолжает, не дожидаясь ответа: – Ну, ваша малышка, кажется, теперь дышит нормально, счастье, что вы надели ей респиратор и, ну, держали в машине. – Она бросает взгляд в мою сторону. – Может, она покапризничает, ну, там несколько дней из-за жжения в глазах, носу, горле, но это

должно пройти, в общем... – У нее тик – уголок глаза чуть подергивается, когда она говорит. – Важно, чтобы ей сделали рентген легких как можно скорее, как только вернетесь в Стокгольм, ну, на всякий случай.

– А почему вы не можете сделать ей рентген? – спрашивает Карола, и теперь я замечаю у женщины на рукаве поверх зеленой униформы белую повязку с красным крестом.

– Мы из резерва, мобилизованные добровольцы, оказываем только экстренную медицинскую помощь, – тараторит она в ответ.

– Да, но тут же где-то должна быть больница, куда вы могли бы ее отвезти?

Женщина косится на мужчину, молча стоящего рядом с ней.

– Лучше в Стокгольм, – произносит он ласково, почти нараспев.

– Мы на этом лесном пожаре почти весь день провели. – Голос Каролы срывается на крик: – Вы что, хотите сказать, нам придется?..

– Пожар распространился от Эстерсунда до Муры, – произносит он, не меняя размеренной доброжелательной интонации, диалект у него протяжный и добротный, как даларнский гобелен. – Говорят, на полмиллиона гектаров. И в горы пошел. С утра уже и на Силарне²² горело. Туристы отправи-

²² Горная гряда между Швецией и Норвегией в регионе Емтланд, соседнем с Даларной.

лись на турбазу, поскольку думали, что... Но растительность в окрестностях базы настолько высохла, что...

Он щурится, глядя на закат солнца над Сильяном. Воздух взрезает рев мотора, два парня в купальных шортах веселых расцветок с громким гоготом несутся по водной глади на скутере.

– Там, наверху, и дорог-то нет. А тут семьи с детьми и все такое прочее. Один вертолет разбился. Так что больницы здесь... – Он смотрит на Бекку, ласково улыбается и треплет ей щечку крепким указательным пальцем. – Так что лучше вам... Кроха едет в Стокгольм. Да.

Бекка в ответ начинает кричать и тереть покрасневшие разъединенные дымом глазки, каких-то пару дней назад она такого движения и не знала еще. Какая же сложная задача быть человеком: все эти мышцы, нервные окончания, мозговые синапсы, протеины, нейроны и что там еще – необходимо, чтобы все это правильно взаимодействовало, когда ты хочешь что-то схватить, потянуться за чем-то, произвести простейшее движение, например унять зуд в собственных глазах.

– А Мартин? – голос Вильи напряжен. – Что с ним будет?

– Мартин в палатке, ему дают кислород, – отвечает женщина. – Я сейчас туда. Можешь пойти со мной.

«Мартин?»

Карола начинает задавать вопросы про Зака, может, тут слышали о мальчишке, который приехал с другими людьми на

белой машине, но женщина только мотает головой с вымученным вздохом и разворачивается, Вилья идет вслед за ней.

Седобородый, кажется, испытывает облегчение, когда женщина уходит, он чешет комариный укус на шее, потягивается и присаживается на корточки надо мной, умиротворенно вздыхая. Крепкий кулак у меня перед глазами, мужчина аккуратно наклоняет мою голову, чтобы посмотреть на рану, и при этом тихонько напевает какую-то песенку, я с трудом могу распознать мелодию. Он достает красную медицинскую сумку, роется в ней, вытаскивает тюбик с мазью и бинт.

– Очистите рану и смажьте вот этим. Потом надо просто забинтовать. А дальше посмотрите, в Стокгольме.

Карола собирается что-то сказать, но передумывает и вместо этого кивает, принимая протянутые предметы.

– И что у нас здесь случилось? – вкрадчиво интересуется мужчина.

– Он был в лесу, разъезжал там на таком, знаете, квадроцикле, – сообщает она, прежде чем я успеваю и рот открыть. – Кажется, сбился с пути из-за дыма.

– Я вас собирался спасти. – Мои слова дрожат как желе. – Я перевернулся.

– Квадроцикл? – мужчина заинтересованно улыбается. – У вас был квадроцикл?

– Я его нашел.

В усталых глазах цвета синего льда загорается искорка:

– Нашли? И он так просто стоял? С ключами?

– Нет, ну... я зашел в дом и взял ключи.

У Каролы вырывается стон, взгляд делается каким-то застывшим, в нем такая же отчужденность, как когда я рассказал ей об измене, шок и отчаяние, скрытые под толстым слоем равнодушия, как будто все это на самом деле не имеет к ней отношения – проходила мимо и случайно увидела аварию на дороге.

Мужчина, напротив, смотрит на меня с какой-то чуть ли не влюбленностью. Он по такому скучал, понимаю я, может, в течение нескольких лет: выходные с палаткой в снегу и грязи вместо уютного воскресного отдыха дома, равиоли из консервной банки вместо домашних маффинов, испеченных с детьми, ямы нечистот вместо вечера с друзьями за просмотром футбола на диване с пивом и ставками на любимую команду, он именно на такое надеялся, на такой день, на таких, как я.

– Взял?

Что-то в его спокойном голосе подталкивает меня говорить дальше, если бы не чертово першение в горле, я выложил бы ему всю историю своей жизни, но могу выдать лишь пару слов:

– Через окно.

Он осторожно кивает:

– Поразительно вообще-то. Как же все похоже. Афганистан, Конго. Обычно о таком только читаешь.

Земля подо мной жесткая, и у меня мелькает мысль: когда же мне доведется полежать в кровати? Или нас транспортируют в Стокгольм прямо сейчас? А Зак уже едет туда?

И кто такой этот *Мартин*?

Со стороны палаток доносится вопль, злобный мужской голос кричит что-то про *страховку*, добавляя «*ах ты ж падла*», в ответ слышно невнятное бормотание.

Седобородый хлопает меня по плечу и встает со вздохом:
– Полиция с вами свяжется, наверное, чтобы...

Он вежливо кивает Кароле и в последний раз игриво улыбается Бекке, а потом ковыляет обратно к палаткам.

– Мартин... – произношу я.

Карола не слушает, она возится с Беккой, а я вспоминаю о наших вещах, о моем рюкзаке со всеми ценностями, икевском мешке, одежде, подгузниках. Куда все это делось?

– Мартин?

– Что? – Вокруг губ у нее пролегли морщинки. – Слушай, Дидрик, к кому ты вломился в дом, ты знаешь, кто это? Может, с ними удастся как-то связаться уже сейчас и...

Я мотаю головой:

– Все равно все уже сгорело, какая разница. Вилья отправилась к какому-то Мартину?

– Что? К старику.

– Старику?

Она вздыхает и устало смотрит на мазь и моток бинта, которые получила от резервиста.

– Ну, ты понимаешь. К тому, который привез нас сюда.

Воцаряется тишина на то время, которое нужно мне, чтобы сложить в уме имя и морщинистое лицо с псориазом. Я почему-то всегда думал, что его должны звать как-то... ну да, по-стариковски. Торкель. Сикстен. Йоста. Но не Мартин.

– Ах, к нему.

* * *

Я хороший отец. Я был рядом с детьми, пока они росли, менял им обкаканные подгузники, играл с ними, вытирал сопливые носы, ухаживал, когда болели, водил в садик и в школу, ходил на родительские собрания, и на показательные фортепианные концерты, и на спортивные соревнования, и на утренники в День святой Люсии²³, и на выпускные, я учил их кататься на велосипеде, плавать и читать. Кроме того, я их всегда слушал, уважал и постоянно повторял, что люблю. Ни разу руку на них не поднял. Подозреваю, что удовлетворял большую часть требований, которые только можно предъявить к современному шведскому отцу.

Но если у меня и случались проколы, то это всегда бы-

²³ Один из главных зимних праздников в Швеции. Его отмечают 13 декабря во всех публичных учреждениях, но прежде всего в школах и детских садах, где дети устраивают шествие святой Люсии и ее свиты, поют песни и несут свечи, в наши дни – электрические. Обязательное угощение праздника – шафранные булочки люссекагты.

ло связано с теми случаями, когда Вилья выводила меня из себя. Способность дочери заставлять меня чувствовать, что вся моя жизнь – это длинная никчемная череда трусливых и неудачных решений, кажется временами прямо-таки патологической. И меня почти не удивляет, когда я испытываю то же чувство, когда вхожу в больничную палатку; несколько резервистов порываются остановить меня, но широкая повязка на голове и мой вид в целом оказываются достаточным аргументом, чтобы меня пропустили. Внутри тихо, спокойно, тут нет гама и тревоги, царящих снаружи. Вдоль длинной стороны палатки установлены четыре койки, две из них пусты, на одной лежит молодой человек в тяжелых сапогах и желтом жилете со светоотражающей лентой, лицо его покрыто кровью и сажей, он кашляет и тяжело дышит, я вижу, что даже язык и десны у него черного цвета, рядом стоят два медика и что-то обсуждают, обмениваясь короткими дежурными фразами из арсенала медиков, я протискиваюсь мимо них, мимо пустых коек, и вот он – лежит, в самом дальнем углу, его накрыли оранжевым одеялом, кислородная маска на грязном морщинистом лице, а моя дочь сидит рядом на стуле.

– Это ты виноват, – монотонно произносит Вилья.

– Милая, я знаю, что в таких ситуациях всегда хочется свалить на кого-то вину, но...

– У него ведь была машина... – продолжает она. – Наша не завелась, но ведь не его, мы могли просто пойти к нему и

спросить, можно ли нам поехать с ним.

«Запрет на пользование автомобилем. Он сказал, что на его машину наложен запрет. Что она не прошла техосмотр.

Это, естественно, не равнозначно невозможности на ней ездить. Старый упертый черт, чтоб его».

– Он сказал, что раз наша машина осталась стоять, он принялся ездить по округе и искать нас, но когда нашел, ты уже сбежал. А потом мы тебя искали, кажется, несколько часов.

Рядом с кроватью аккуратно повешена на плечики серая ветровка вместе с сине-белым шарфом, которым старик обмотал себе лицо, теперь я вижу, что это шарф болельщика, на нем написано «Лександ»²⁴ и изображен логотип – что-то вроде круга с вписанными в него причудливыми символами.

– Если бы вы с мамой сходили за ним... Или если бы ты не свалил вот так и ему не пришлось бегать в дыму и приводить тебя...

Из-под маски раздается шипение, шелестящий звук работающего насоса, и в этом же темпе едва заметно вздымается и опускается грудь под одеялом.

– Я. Пытался. Вам помочь. – Я говорю медленно, выделяя интонацией каждое слово. – Я. Пытался. О вас позаботиться.

– Где Зак? – спрашивает она так, будто не слышит, будто я кому-то другому это говорил. – Вы его отыскали?

– Мама этим занимается, опрашивает всех.

²⁴ Профессиональный хоккейный клуб из шведского города Лександ.

– Опрашивает? – Тон скорее несчастный, чем язвительный. – Те, с кем он уехал, вы у них номер телефона взяли? А номер машины записали?

Я вздыхаю:

– Милая, была такая спешка. У Зака нога была в крови. Мы запаниковали, и я и мама. Они должны были высадить его в Реттвике.

Она трясет головой:

– Охренеть, какие вы бестолковые. Худшие в мире родители.

Я пожимаю плечами:

– Такие уж мы у тебя. Пойдем, нам пора. Нам выделили домик, где можно переночевать.

К нам подступает одна из медработниц, по лицу видно, что она на пределе.

– Простите, вы кто? Тоже родственник?

Я в замешательстве смотрю на нее:

– Вообще-то... нет, я здесь, чтобы дочь забрать.

Медработница – тощая тетка с никотиновыми пятнами на пальцах, седые волосы коротко острижены – смотрит на нас с озадаченным видом, а потом указывает на старика:

– А она сказала, что это ее дедушка...

Я гляжу на Вилью, она отводит глаза, передо мной вдруг снова маленькая девочка, застигнутая на лжи, и я наконец могу выступить в роли взрослого: подмигиваю понимающе тетке и примирительно улыбаюсь ей, потом кладу руку на

худенькое плечо дочери.

– Мы оказались в зоне пожара, а вот этот человек, Мартин, он был с нами, так что у нее случилась небольшая... скажем так, реакция, но это же вполне естественно? Так легко немного растеряться, когда подобное случается, правда?

Она любезно улыбается мне в ответ:

– Ну да, конечно. Это как раз то, чего мы так опасаемся с этими пожарами, не того, что кто-то там сгорит, подобного почти никогда не происходит, разве только очень редко, если кто-то из спасательной службы где-то застрянет... – Она с серьезным видом кивает собственным словам: – Что опасно, так это беспорядок. У людей стресс, они принимают неверные решения, которые приводят к массе ненужных рисков.

Я не понимаю, о чем она говорит, она как будто намекает на что-то другое, медработница видит мою неуверенность, снова улыбается, показывает на мои бинты и понижает голос:

– Это же вы одолжили тот квадроцикл, верно? И перевернулись?

«Они болтают. Болтают. Друг с другом. Может, еще с кем-то. С газетами. В интернете. Неужели в наше время больше не существует такого понятия, как врачебная тайна?»

– Что будет с Мартином? – внезапно спрашивает Вилья.

– Мы здесь вообще-то только первую помощь оказываем, его перевезут завтра с утра пораньше. В больницу, там освободили место под нас, так что теперь нам отдали целое от-

деление под поступивших с отравлением дымом. У нас для этого соответствующий уровень готовности и кислородные маски с ковидной поры остались.

– Так с ним все будет хорошо? – У Вильи дрожит нижняя губа, и мне так хочется обнять ее, дать ей сжаться в комочек в моих руках, потереться носом об ее щеку, убаюкать, поцеловать, утешить, шепнуть «*Вилька-килька-ванилька*», как мы ей в детстве говорили, но ничего не получится, я ее потерял, лишился где-то в пекле, дыму и атмосфере беспомощности.

Медицинская тетка выглядит усталой, она косится на меня.

– Была бы возможность, так его лучше бы отправить в Гётеборг или в Стокгольм, но транспорта на всех не хватает, к тому же приоритет отдается детям и молодежи. Вы не знаете, у него есть какие-нибудь родственники? То есть это, конечно, очень хорошо, что вы здесь, но...

– Нет, – обрываю я ее. – У него никого нет. Во всяком случае, мы ни о ком не знаем.

Моя рука все еще у Вильи на плече, она стряхивает ее.

– Пойдем, малышка. Дадим им спокойно поработать. Мы здесь закончили.

Я снова беру ее за плечо. Не крепко, в меру, так, чтобы она поняла.

Маленький тесный домик в кемпинге; нам приходится делить его с семьей из Германии, отцом и двумя сыновьями одного с Заком возраста. На верхней полке двухъярусной кровати лежит Вилья и слушает музыку в наушниках, на нижнем ярусе – Карола с Беккой, на второй такой же кровати разместились немецкие мальчики. Мы с немецким папашей получили каждый по туристскому коврику и спим на линолеуме.

Пахнет старым деревом и затхлыми матрасами, а еще, конечно, дымом: от одежды, волос, сумок и наших тел. Я попытался искупаться в озере, но из-за болей в груди только поплескался немного, стоя у бережка, больше всего мне бы хотелось постоять долго-долго под душем, но здесь всего три душевые, и к ним выстроился длинный хвост желающих, я спросил, можно ли сходить куда-то еще, заплатить за душ, но это все, что есть, и нужно ждать своей очереди.

Немцы довольны и беззаботны, они в одинаковых спортивных костюмах винного цвета, все трое разлеглись с телефонами и, как я понял по прошествии некоторого времени, играют в какую-то викторину по истории футбола, поочередно выкрикивая «Ганза Росток!»²⁵, или «Юпп Хайнкес!»²⁶, или «Бёкельберг!»²⁷; мальчишки при этом передают

²⁵ «Ганза» – немецкий футбольный клуб из города Росток.

²⁶ Йозеф, или Юпп Хайнкес – немецкий футболист и тренер.

друг другу упаковку чипсов то вверх, то вниз. Может быть, для них это всего-навсего приключение, то, о чем они будут рассказывать по возвращении домой, полный драматизма побег от огромного арктического пожара скрасит не один серый холодный вечер дома в Гамбурге или Кёльне.

– *Руди Фёллер?*²⁸ – в отчаянии восклицает папаша у меня под боком. Живот у него при этом сотрясается, и я завидую смеху в глазах мальчишек, когда они хором кричат «у-у-у», выражая возмущение его ошибкой, надо было мне ходить с Заком на футбол, хоть я терпеть не могу толпу, меня бесит сама мысль стоять среди поддатых парней пубертатного возраста и выкрикивать ругательства и названия гениталий на отсыревшей трибуне, но надо было сделать это ради него, и я, наверное, в сотый раз за сегодняшний день думаю, удастся ли мне когда-нибудь выбраться отсюда, смогу ли я вернуть его, станет ли все лучше, станет ли иначе, станет ли так, как вообще-то должно быть.

– «*Gladbach*» *zwei zu null!*²⁹

Мне выдали блистер с таблетками от боли в голове, из тех, которые надо пить каждые шесть часов, но только если боль будет невыносимой, я выпил уже две, но это не улучшило

²⁷ «Бёкельбергштадион» – бывший футбольный стадион в городе Мёнхенгладбах.

²⁸ Рудольф Фёллер – немецкий футболист и тренер.

²⁹ «Гладбах» два-ноль! (*нем.*) «Гладбах» – сокращенное название футбольного клуба «Боруссия Мёнхенгладбах».

мое состояние ни на йоту. Немного подзарядил телефон – час ожидания ради десяти минут у розетки – и выложил фото: силуэты резервистов на фоне Сильяна, *после суматошного дня (кто знает, тот поймет) о нас великолепно позаботились эти герои*, далее сердечко, шведский флаг, эмодзи с напряженным бицепсом и хештег *#climatechange*³⁰. Сначала я сделал несколько селфи, но после недолгого раздумья решил оставить их на потом, выгляжу я наихренейшим образом: глаза налиты кровью, несмывающиеся пятна сажи на лице, повязка и подпаленные волосы, мама бы разволновалась и не знала, что и думать, а всякие хейтеры и те, кто отрицает проблему климатических изменений, назвали бы это фейком и обвинили меня в позерстве, в итоге я ограничиваюсь шведским флагом и прославлением ребят из мобилизованного резерва, так меня трогать не будут. Разумеется, я ничего не пишу про Зака, Карола послала эсэмэску матери и сестре, чтобы узнать, не слышали ли они чего, может, он доехал до Стокгольма, попытался добраться до дома, может, сидит сейчас в гостях у тех американцев, которые снимают его, или на кухне у соседей в компании Филипа, с которым они часто играют вместе, того рыжеволосого парнишки со скейтом и легкой формой СДВГ.

Я прокручиваю лайки, комментарии, сердечки, взволнованные, грустные и злые рожицы. Прочитываю сообщения – друзья интересуются, знаем ли мы, когда вернемся в город,

³⁰ Изменения климата (англ.).

нужна ли нам помощь по возвращении, есть ли у нас одежда, предметы гигиены и все такое? Партнер из бюро спрашивает, как я смотрю на то, чтобы на этой неделе принять участие в завтраке-семинаре, посвященном последствиям климатического кризиса: *успеешь до отъезда в Таиланд?* Газета предлагает написать колонку или полемическую статью о нашем бегстве от пожара, устроители митинга в защиту климата «*БУДУЩЕЕ БЕЗ ИСКОПАЕМОГО ТОПЛИВА*», который пройдет в эту пятницу, уточняют, не хочу ли я сказать пару слов, *от силы две-три минуты выступления, пришло время поторопиться их с принятием полного запрета на использование ископаемого топлива.*

Карола в кровати надо мной, похоже, уснула рядом с Беккой, так что я залогиниваюсь в мой тайный аккаунт посмотреть, не написала ли та, другая, чего-нибудь, вдруг беспокоится обо мне, может, слышала, как я выступал по радио, может, отправила мне фотографию и несколько сердечек, обычно она отправляет просто фото без ничего, но там пусто, только ее последнее сообщение, то, с селфи на яхте. Я проверяю ее страничку, однако там лишь ее обычные селфи с рекламными текстами, когда-то они казались мне милыми, а теперь меня утомляет искусственность этих снимков, фильтры, разглаживающие кожу и делающие ее розовой, как у младенца, большие оленьи глаза с поволокой, блестящие губы, да еще все эти сальные комментарии от незнакомых мужиков.

Вместо этого я планомерно пересматриваю фотографии, которые она посылала мне весной и летом. Фото, где она сидит на открытой веранде кафе у воды, в руке бокал красного вина, красивая, как модель, в темных очках и с загадочной улыбкой, макияж совсем легкий, на губах красно-розовая помада естественного цвета. Фото в ванной – селфи сделано сверху и чуть наискосок, она стоит в джакузи, это в том номере люкс, который я снял в самый первый раз, она снялась, стоя спиной к большому зеркалу, так что ее распаренное лицо без макияжа на переднем плане, а на заднем в отражении видны ее обнаженная намыленная спина и зад. Она, видимо, сделала снимок тайком за то короткое время, пока я отлучился к дверям взять пиццу и шампанское, заказанные в номер, тогда она мне ни разу об этом не сказала и только весной впервые отправила фотографию. *«Сохранила для тебя, – написала она в мейле, – знала, что так и будет, знала, что придет время, когда все, что у нас есть, обратится в воспоминания и тоску друг по другу, знала, вот, держи»*.

Я некоторое время рассматриваю фотографии, пытаюсь поймать какое-нибудь ощущение в нижней части живота, что-то помимо зуда, дрожи и раздражения во всем теле, но ничего не выходит, так что я, не запивая, глотаю еще две таблетки; немцы мирно спят, на верхнем ярусе Вилья все еще слушает музыку в наушниках с включенным ночником, надо бы сказать ей, чтобы выключала свет, судя по всему, выезжать мы будем завтра ранним утром.

Перечитываю еще раз сообщение от начальника и думаю, что этот завтрак-семинар вообще-то неплохая идея, полемическая статья и митинг тоже. Вот как можно показать, что речь больше не идет о дождевых лесах, ледниках, выращивании какао-бобов³¹, коралловых рифах или подорожании продуктов, речь идет о непосредственном риске для наших жизней, о катастрофе страшнее десяти Гитлеров и двадцати Сталиных подряд, мы должны начать третью мировую войну против глупости, трусости, жадности.

И я расскажу о себе, решаю я, одновременно пытаюсь отыскать удобное положение на подстилке, о том, как так вышло: когда-то я был активистом, радикалом, я уже тогда жил в соответствии с принципами устойчивости и альтернативности, вся одежда из секонда, продукты только сезонные, а за покупками всегда с шопером. Я дописывал диссертацию, когда познакомился с Каролой, и довольно быстро, всего через несколько месяцев после того знаменательного свидания в шхерах, мы с ней съехались, ее папа умер, и у нее появилась возможность получить его квартиру, но нам все равно нужен был кредит, а банк отказал нам, так что вместо того, чтобы заканчивать диссертацию, я начал работать, помогать с рекламой природоохранным организациям, потом какое-то время занимал должность консультанта в министер-

³¹ За последние 40 лет из-за климатических изменений площадь территорий, пригодных для выращивания какао-бобов, сократилась на 40 процентов. По прогнозам, из-за глобального повышения температуры уже к 2030 г. их выращивание станет невыгодным.

стве охраны окружающей среды, а после меня неожиданно заманило к себе одно коммуникационное агентство, работающее в сфере формирования общественного мнения. С новой работой пришли возможности и связи, деньги, квартиры, где надо ремонтировать кухню, ванную, затем появился дом и новые кредиты, а за ними – Вилья и Зак, у них, разумеется, были текстильные подгузники и подержанные коляски, мы купали их в теплой водичке, используя экологичное растительное масло, на детских праздниках устраивали свопы³² с игрушками, а как-то летом насобирали кофейной гущи и попытались выращивать грибы; ну и поезда, разумеется, всегда только поезда, а потом несколькими парням из агентства захотелось взять меня в качестве совладельца в новую компанию, и появился новый дом, понадобился новый ремонт ванной, и автомобиль, и еще больше кредитов, и третий ребенок, и внезапно моя жизнь сделала поворот, о котором я вовсе не мечтал.

«Пожар и все, что произошло в связи с ним, заставили меня многое осознать, – скажу я. – Переоценить пройденный мной путь. Мы собирались ехать в Таиланд. Мы собирались “побаловать себя”. И только оказавшись среди этого хаоса и паники, я осознал, что творил.

Потому что в тот день в Даларне я не бежал. Напротив. Бегство продолжалось несколько лет. Именно пожар заставил меня наконец остановиться».

³² Обмен ненужными вещами.

Хорошо звучит, думаю я, и меня вдруг одолевает сон, я опять достаю телефон, чтобы написать партнеру, что можно подумать насчет завтрака-семинара, руки тяжелые как гири, я отыскиваю нашу с ним переписку и вижу: он отправил мне новое сообщение всего пять минут назад, ни тебе слова «привет», никаких вежливых пояснений, перед глазами вспыхивает одно-единственное предложение:

«Дидрик, в соцсетях пишут, что ты вломился в чей-то летний дом, чушь, само собой, но срочно дай знать, как прочитаешь, для разработки стратегии».

Я даже не удивлен, скорее ощущаю усталость, я знал, что это случится, но уж не прямо этой ночью. Листаю немного соцсети и читаю сайты с новостями и сплетнями светской жизни, чуть погода приходят новые письма, через какое-то время вечерняя газета просит у меня комментарий по поводу слухов о том, что я вломился в чужой дом и похитил ценные вещи, я захожу к ним на сайт и вижу вверху заголовок *«ИЗВЕСТНЫЙ ПИАР-КОНСУЛЬТАНТ ОБВИНЯЕТСЯ В КРАЖЕ СО ВЗЛОМОМ ВО ВРЕМЯ ПОЖАРА»*, но когда жму на статью, телефон начинает подтормаживать, вырубается, и я остаюсь в темноте.

* * *

А потом все теряет значение, потому что Зак со мной. Сначала я хочу встать и найти розетку, чтобы еще раз подза-

рядить телефон, но тело тяжелое, я думаю, что, может быть, лучше не пороть горячку, а поразмыслить в тишине и покое, прежде чем мне – в очередной раз – придется иметь дело с импульсивностью, которая, разумеется, является вполне понятным и естественным следствием опасной для жизни и травматичной ситуации, в которой я находился; так что я растягиваюсь во всю длину коврика, делаю несколько глубоких вдохов, и вот уже Зак сидит рядом, худенький, славненький, в руке у него стеклянная банка с зубом и монеткой, и мне не хочется его тревожить, не хочется впутывать в эти мои тревобления, я просто шепчу ему в темноту *«прости»* и думаю, что это наверняка сон, и все-таки это он, мой сын, он сидит вплотную ко мне в темноте, одеяло натянуто на колени, лицо чуть освещено лунным светом, льющим из окна.

Прости меня, мой хороший, совсем скоро мы будем нырять с трубкой около маленького островка в Таиланде, моторка вывезет нас в море, и я научу его, как правильно сплевывать на внутреннюю сторону стекла маски для ныряния и смазывать ее слюной, я научу его плавать с ластами по сверкающей водной глади под палящим солнцем, и где-то там сохранились еще остатки живого кораллового рифа, я покажу моему мальчику краски, рыбок, в хрустально-прозрачной воде хочется нырять все глубже и глубже, хочется плавать по этому сказочному миру, столь ослепительно прекрасному, что щиплет глаза, мы будем гоняться за тигрово-полосатыми, сине-бело-розовыми, изумрудно-зелеными рыбками

сквозь туннели и под арками среди разукрашенного слепящими искристыми цветами пейзажа, может, уже на следующей неделе, лишь бы нам уехать отсюда.

Я ненадолго закрываю глаза, а когда открываю, Зак все еще здесь, он лежит рядом со мной в спальном мешке, и я утыкаюсь носом в его волосы у затылка, где они отросли длиннее и похожи на красивую, пахнущую дымом пряжу, мы думали подождать со стрижкой до отъезда, есть что-то уютное и экзотичное в том, чтобы делать подобные вещи в далекой стране; помню свое путешествие на поезде через Индию в юности, как я заходил там в парикмахерские, обычно это была просто ниша в стене, острые как бритва ножи, густая пена, нежные пальцы и голоса, называвшие меня *мистером*, у меня лицо никогда в жизни не было таким гладким. Представьте, сидишь себе на пляже, пьешь холодное пиво на солнышке, а две или три прыскающие от смеха таиландки колдуют над прической твоего сына; и мы снова отключаемся, Зак поворачивается во сне и кладет свою маленькую ручку мне на спину, неожиданное инстинктивное движение, которое переполняет меня нежностью, я почти не могу больше сдерживать себя: *«Прости, мой хороший, прости, что потерял тебя»*.

Я думаю, что надо рассказать Кароле, когда проснусь, что мне снилось: как мы бежим, как начался страшный лесной пожар, я пытался спасти вас, мне снилось, что все вокруг сломалось, всему пришел конец, я тянусь, лежа рядом с мо-

им мальчиком, глаза еще какое-то время остаются закрытыми, а когда я их открою, угол зрения изменится, я уже не буду лежать на полу домика в кемпинге, когда я открою глаза, все, что жгло, воняло и чесалось, исчезнет, но останется воспоминание, так что я смогу рассказать ей обо всем, что мне снилось, предупредить ее, попросить о помощи; и я открываю глаза. Зак успел поменять положение руки, так что теперь я вижу дорогие немецкие умные часы для спорта, такие, в которых есть датчик GPS, карты, высотомер, барометр, пульсометр; инфракрасные цифры показывают 23:48 и отбрасывают слабый розоватый отсвет на гладкое бледное лицо, лицо незнакомца.

Вторник, 26 августа

Громкий стук разрывает брезжащий утренний свет, я слышу голоса, Карола стоит в дверях и с кем-то разговаривает, я думаю: «*Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, скажите, что нашли его*», – но по ее спине и усталой осанке вижу – здесь что-то другое, она закрывает дверь и смотрит прямо на меня:

– Нам нужно ехать.

На руках она держит Бекку, личико малышки зажато под ее подбородком, одной рукой Карола ухватилась за потный затылок, другой машинально баюкает малышку.

– Сможешь встать? Нам нужно выйти через четверть часа.

– Сколько времени?

У меня голос осипшего старика, бессильное нытье.

– Полседьмого. Через час будет поезд в Стокгольм. Им нужны домики. Все должны выселиться.

Немецкое семейство испарилось вместе со своим скарбом, я выползаю справить нужду и вижу, что они расположились вокруг походного столика, сейчас утро, но росы нет, нет птиц, только сухая удушливая немота, столик накрыт к завтраку, на земле кипит и булькает спиртовая горелка, мальчики сидят в пледах и жуют бутерброды, а их отец, заметив меня, непринужденно кивает вместо приветствия.

– Вы тоже в Стокгольм? – интересуюсь я по-английски.

– No³³. Кебнекайзе. – Он верно ставит ударение, но произносит слово через «з» вместо «с».

– Но ведь... огонь?

Лицо его прорезает свежесбрита улыбка, и он машет в сторону двух мальчиков, указывая на их красивые новые спортивные костюмы, трекинговые ботинки, стоящие на земле рюкзаки, палатку, спальные мешки.

– Они об этом несколько лет мечтали, – отвечает он тоже по-английски. – Может, это последний шанс увидеть ледник. А пожары здесь самые крупные во всей Европе. В школе они изучают *arctic amplification*³⁴, но это же совсем другое дело, когда видишь такое своими глазами.

Говоря последнюю фразу, *wizz your own eyes*³⁵, он с гордостью смотрит на сыновей, и те поднимают свои светловолосые головки, младший робко улыбается, старший от смущения выпячивает нижнюю губу.

В домике Карола с Вильей уже собрали наши пожитки, без чемодана на колесиках и икеевского мешка их не так и много, я беру свой рюкзак и детскую сумку-органайзер, Карола – свою сумочку и Бекку в переноске, а Вилья – рюкзачок со Спайдерменом, и мы выходим, на мне те же, что и

³³ Нет (англ.).

³⁴ Усиленное таяние арктического льда (англ.). Площадь ледников сокращается во всем мире, но именно в Арктике лед исчезает быстрее, чем где бы то ни было на планете.

³⁵ Собственными глазами (англ., искаж.).

вчера, порванные грязные шорты и футболка «Лакост», мы все одеты в то же, в чем были вчера, за исключением Бекки, у которой смена белья лежала в органайзере.

Мы идем по улице, которая, как я понимаю, ведет к железнодорожной станции, никто нам не сказал, куда идти, но мы движемся вместе с не слишком плотным потоком людей, толпой это не назовешь – несколько разрозненных семей, которые бредут в лучах утреннего солнца, перед нами идет здоровенный бородач с младенцем на руках, за собой он тащит тележку, в которой среди сумок и подушек сидит пятилетний малыш, следом за экипажем шагает мама с рюкзаком и пакетом с продуктами, я немного рассеянно размышляю, чем же Бекка будет питаться во время поездки, но предполагаю, что Карола уже подумала об этом, что она заглянула в крохотную кухоньку в том домике и приготовила воду и бутылочки, она всегда этим занимается, и стыд от того, что я больше не забочусь ни о ком из моих детей должным образом, просачивается в сознание вместе со стыдом от того, что я не шагаю впереди всех, как вчера, я отстаю от нее на два шага, а она от Вильи, я чувствую себя обузой, прицепом, хочу что-то сказать, сделать что-то такое, что заставило бы ее посмотреть мне в глаза, хоть что-то, что угодно.

– Зак, – выдавливаю я с трудом, – что с Заком будем делать?

– Я на ногах с четырех утра, – отвечает Карола, не оборачиваясь. – Никто ничего не знает. Надо бы снова позвонить

в полицию. Можешь со своего телефона?

– Он сдох, – говорю я, испытывая стыд и за это тоже. – Аккумулятор.

Она не реагирует, просто идет дальше, шепчет что-то успокаивающее Бекке, та снова плачет, может, она плакала все утро или, во всяком случае, хныкала.

Мы доходим до станции, на парковке полно народу, кто-то спит на туристских ковриках, а кто-то прямо на земле, некоторые стоят или сидят, поодиночке или группками, есть в них что-то особенное, я не могу сразу уловить, что именно, но они не похожи на людей, которые куда-то едут, на тех, кто стоит на перроне с чемоданами, рюкзаками и сумками: никаких пакетиков с едой или термосов, какой-то мужчина в помятом сером костюме сидит на поребрике с телефоном, пожилая дама в плаще лежит, растянувшись в тени и закинув одну руку себе на лицо, пятеро детей расселись в траве и смотрят на нас широко распахнутыми глазами, на всех желтые светоотражающие жилеты с выведенным фломастером на груди и на спине словом «*ЧЕРЕШЕНКА*», вокруг них свалены пластиковые пакеты, черные мешки для мусора, чемоданы, телевизор, велосипед; девушка лет двадцати стоит со спортивной сумкой под мышкой и пакетом, в котором угадывается комнатное растение, волонтеры выставили столик, прыщавый мальчишка в рабочем жилете розового цвета раздает бутылки с водой и качает кофе из пневмотермосов, позади стола, в специально выделенном уголке, сидят четверо

молодых людей с отклонениями в развитии, все они в инвалидных креслах, в сопровождении одинокого санитаря.

И по мере нашего приближения то, что поначалу представлялось мне несколькими дюжинами человек, превращается в гораздо большее людское скопление, я вижу, что народ сидит на ступеньках белого вокзального здания, к киоску выстроилась длинная очередь, хотя он, кажется, закрыт, в самом здании люди сидят и лежат на полу, они повсюду, мы заворачиваем за угол и видим, что они толпятся на перроне, укрываются в тени вокзала, кто-то расстелил одеяла и матрасы, у меня возникает ассоциация с подростковыми воспоминаниями: дождь накрыл загородный музыкальный фестиваль, крохотную деревушку вдруг захлестнул поток галдящей молодежи с ящиками пива, сломанными палатками и зачехленными гитарами, шумная суতোлка потных промокших тел, возникших словно из ниоткуда, но здесь все иначе, и Вилья поворачивается к нам с Каролой, она вдруг снова стала совсем маленькой, и обеспокоенно шепчет: *«А им всем тоже надо домой в Стокгольм?»*

Карола едва заметно кивает головой, я хочу что-то сказать, нам приходится перешагивать через лежащих, мы пробираемся вброд по людскому морю: седая дама в розовом шерстяном свитере, шелковом шарфике и белых кроссовках, девчонка в футбольной форме, еще несколько инвалидов-колясок, детских колясок, ходунков. Карола бормочет: *«Теперь мне понятно, зачем им нужны были домики»*, – я

хочу сказать дочери, что все будет хорошо, что им просто немного не повезло, они в дороге и их занесло немного не туда.

– Они едут не домой, – говорю я вслух. – У них нет дома.

* * *

Поезд не приходит. Бекка кричит, и мы находим незанятый пяточок на перроне, я смешиваю ей еду в рожке и сажусь, держа ее на коленях, надо же, я все еще испытываю удовлетворение, наблюдая за тем, как ест мой ребенок: маленькие губки обхватывают соску, глазки напряженно всматриваются в никуда, она движима исконным инстинктом выжить, просто выжить, любой ценой, солнце печет мне затылок, день обещает быть хорошим.

– Что будет с Заком? – внезапно спрашивает Вилья.

– Как приедем домой, сразу примемся за его поиски, – отвечает Карола. Она пытается улыбнуться: – Может, он уже дома? Сидит там где-нибудь допоздна с книжкой...

Она строит рожицу, копируя Зака, мы часто так делали, когда дети были помладше, – передразнивали друг друга, шли по кругу: я копировал ее, она меня, дети друг друга, *кто я сейчас?* – это было их любимым развлечением, Зак в исполнении Каролы сидит со смехотворной блаженной улыбочкой, читает книжку и напевает себе под нос, и Вилья хохочет над ней так, как человек, который задумал печь булоч-

ки с корицей, да поскупился на начинку из сахара и корицы с маслом и теперь должен исхитриться, чтобы ее хватило на все тесто.

– Мы бы, пожалуй, могли пойти поужинать сегодня в суши-баре, тебе же там нравится, да? – пробует она включиться в игру, и мать, купившись, начинает говорить о том, что нам стоило бы забронировать время на том скалодроме, нам всем там нравилось, Зак поначалу трусил, а в последние четверть часа стал лазать как *шимпанзе на стероидах*, она изображает его, цепляясь за воздух руками как коготками, Вилья снова покатывается со смеху и заявляет, что мы могли бы установить скалодром дома, поставить его, например, в саду или купить специальную стенку, которая движется вниз, как лента, по мере твоего продвижения вверх, такую можно поставить в обычной квартире, у Тиры она есть, это жуть как круто, и никакие страховки не нужны. Карола подхватывает: какая замечательная идея и почему же у нас такой нет, обязательно посмотрим, как вернемся домой, и в конце концов я больше не выдерживаю, я не в состоянии слушать болтовню о бессмысленных дорогих приспособлениях, стоя на перроне, заполненном климатическими беженцами, под повязкой у меня зудит и чешется, и я говорю:

– *Куда это – домой?*

Они смотрят на меня.

– Домой... – только и отвечает Карола. – Ну как... К нам домой.

– Но мы же сдали наш дом, милая, и через неделю летим в Таиланд. Мы все до последней кроны вложили в этот отпуск, которого не будет. И наш сын пропал.

– Мы, наверное, могли бы... – она с сомнением смотрит на меня, – могли бы справиться у друзей, я уже написала Лизе с Калле и Хенни со Стаффаном, и они...

– Я тебя умоляю, ты что, хочешь сказать, – говорю я тихо, чтобы не потревожить Бекку, у которой осталось где-то полбутылочки, – мы поселимся у твоих подружек из «мамского клуба»³⁶, это и есть, типа, *твой план*?

Нам, конечно, надо было поговорить об этом еще вчера, в каком-то смысле нам надо было завести этот разговор очень давно, задолго до пожаров и всей неразберихи, но нам совершенно точно нельзя вести его в присутствии Вильи и определенно не здесь, я сам с трудом понимаю, что говорю.

– В таких ситуациях люди приходят друг другу на выручку, – мямлит Карола. – Помогают.

– А мы-то кому помогли, милая? Уж если начистоту? Мы в этом дерьме сутки провели, и что, помогли хоть одному человеку?

Наверное, я ищу трещинку, способ докопаться до нее, секунду искренности.

Бледное лицо скукоживается.

³⁶ Речь идет о встречах для молодых родителей, хотя чаще, разумеется, их посещают мамы в первые месяцы жизни ребенка, отсюда и общераспространенное название. Такие встречи могут быть продолжением курсов для беременных, часто их организует медперсонал поликлиники, в которой наблюдается ребенок.

– Я помогла тебе, – произносит она. – Заставила Мартина ездить по окрестностям и искать тебя несколько часов подряд. Потому что тебе захотелось поиграть в героя на чужом мотоцикле.

– На квадроцикле, – напоминаю я ей. – Это был квадроцикл.

Она выдает сиплый отрывистый смешок:

– На квадроцикле. Смех да и только, какого хрена ты, потвоему, вытворял?

Боль в черепной коробке, стыд отходят на второй план, теперь все концентрируется на Кароле, которая пытается отобрать у меня последнюю крупницу достоинства, тот краткий миг в сарайчике, когда я сел на сверкающий новенький квадроцикл, повернул ключ и почувствовал, как вибрации пробиваются сквозь нижнюю часть живота, как машина пружинит, рычит подо мной, почувствовал, что отправляюсь в путь, ощутил вкус приключения, свободы, черт возьми, я и не припомню, когда в последний раз чувствовал себя настолько свободным, но помню, как вдруг закричал, невольно, в экстазе, и кричал-то будто не я, а тот я, что был с ней, когда ревел от наслаждения, так я кричал, кончая в нее, выкрикивал ее имя, мои мускулы сжаты в ее руках, запах ее пота, и я хочу разрушить все, очень этого хочу.

Я широко улыбаюсь жене:

– Чтоб ты знала, было чертовски приятно покататься.

Она вперяет в меня взгляд, глаза почернели от злобы, все

замирает на какой-то миг, а потом – поначалу лишь небольшое подергивание в уголке рта, морщинка на лбу разглаживается, и одинокая слезинка медленно стекает по ее правой щеке; я ненавижу, когда она плачет, не могу это выносить, если бы я не сидел, держа Бекку на руках, то попытался бы обнять ее, прижать к себе, погладить ее плечи и сказать «*прости*», но сейчас могу только виновато улыбнуться и покачать головой, сокрушаясь по поводу всей этой истории:

– Я устал, Карола. У меня болит голова. Прости. Давай пока оставим это.

– Когда ты собирался рассказать? – спокойно спрашивает она.

Толпа на перроне потихоньку редет, народ переходит на парковку, там остановился автобус, и какой-то мальчишка стоит с написанной от руки табличкой, буквы выведены фло-мастером, слишком мелкие, не могу прочитать.

– Давай хотя бы не посреди всего этого бардака, – отвечаю ей и сам удивляюсь, насколько спокойно звучит мой голос; прижимаюсь щекой к пушистому затылку Бекки. – Может, позже.

Вилья встает вплотную к матери, в блестящих глазах испуг:

– О чем вы говорите?

– Нам с папой нужно кое-что обсудить. – Голос Каролы тоже звучит спокойно, почти безразлично. – Мы хотели бы побыть вдвоем.

Вилья переводит взгляд с нее на меня и обратно, потом на перрон, на толпу, на сумки, на переполненные урны, испачканную кровью прокладку, которую кто-то бросил на рельсы, на мужика в грязных бермудах и с вязкой творожистой кашцей в уголках губ – он сидит в одиночестве на платформе и неясно бормочет что-то про идиотов, шлюх, педиков, беженцев, политиков и «*все мое барахло*».

– *Вдвоем?* – Вилья выкашливает безрадостный смешок: – Хотите *посекретничать*?

Я показываю в сторону парковки и волонтеров:

– Смотри, там воду раздают. Ты не могла бы принести несколько бутылок? Неплохо бы прихватить с собой в поезд.

Она пожимает плечами, достает свой телефон и начинает прокручивать экран.

– Сам не можешь принести или как?

Я вздыхаю:

– Видишь, я кормлю твою сестренку.

– Это моя, что ли, проблема?

На ее лице появляется то самое надменное, упрямое выражение, которое вечно выводит меня из равновесия, и я начинаю собачиться как ненормальный, она-то, конечно, этого и добивается, хочет играть на своем поле, где ей надежнее и все знакомо, но на этот раз будет по-другому.

– Вилья, – устало произносит Карола, – делай, как папа сказал. Пойди и принеси воду.

Дочь стоит неподвижно, опять смотрит в свой телефон.

Потом на нас.

– Лана Дель Рей, – говорит она. Что-то в интонации, с которой она это произносит, напоминает о тех долгих вечерах, когда она сидела за фортепиано, часами выдавая режущие фальшивые звуки, а потом словно случайно находила верное звучание, и голос шел вслед за аккордами, наступал внезапный миг чистоты, как с разряженным телефоном, у которого вдруг загорается экран и он начинает вибрировать у тебя в руке.

– Автомобиль, который увез Зака. Лана Дель Рей.

Карола в замешательстве смотрит на дочь:

– Солнышко, о чем ты, какое отношение к автомобилю... – Она замолкает, не договорив.

– Буквы на номерном знаке, – поясняет Вилья. – LDR. Лана Дель Рей. Я и цифры пыталась запомнить, кажется, там было 386, а может, 368, или там еще четверка была, а может, семерка, я пыталась запомнить, мама, но он так быстро уехал, а мне некуда было записать, но с буквами получилось, потому что я вот так придумала.

Карола делает шаг к ней; поначалу Вилья пятится, но потом останавливается, мать догоняет ее, они обе стоят в нерешительности, а дальше Карола обнимает ее, и я слышу, как она плачет, как шепчет «*Вилька-килька-ванилька*», я тоже хочу к ним, но Бекка уснула у меня на руках, и я не знаю, как подняться на ноги с этой жесткой платформы, не разбудив ее, я хочу быть с ними, но лишь продолжаю сидеть, пока они

стоят, обнявшись несколько минут.

В конце концов Вилья высвобождается, утирает лицо рукой, поправляет волосы.

– Вот теперь я пошла, а вы можете спокойно поговорить, – приветливо произносит она тоном взрослого, разворачивается и быстрым шагом уходит прочь по перрону, пробирается сквозь толпу, ее ладное молодое тело движется с целеустремленностью взрослого человека, она перепрыгивает и огибает сидящих и лежащих людей, их вытянутые ноги, спящих детей, сумки, пледы, фрагменты той жизни, которой они когда-то распорядились.

Карола тяжело садится рядом со мной:

– Спит?

Я киваю.

– Почти все съела, – отвечаю я, показав, – смесь плещется на дне пластиковой емкости.

– Отлично. Сильно проголодалась.

– Сколько у нас воды?

Она поднимает термос, привычным движением взвешивает его на ладони.

– На две бутылочки хватит, если расходувать экономно. Смеси у нас тоже на два раза. А еще ей потом подгузник надо сменить. У нас один остался. В поезд.

– Если только будет поезд, – отзываюсь я.

– Угу. Да, конечно, будет.

Так мы переговариваемся еще какое-то время, обменива-

емся простыми обыденностями про одежду для Бекки и про мою рану, про то, стоит ли добежать до магазина и попробовать раздобыть что-то на обед, и есть ли где-то поблизости туалет; мы делаем это почти бессознательно, не глядя друг другу в глаза, прячемся в конкретике, в том, что держит нас на плаву, но в конце концов запас слов иссякает, мы перестаем топтаться вокруг нашего разрушенного брака и замолкаем, я смотрю на нее и говорю «*прости*», а она просто кивает в ответ.

– Как мы до такого дошли? – произносит она, потом забирает у меня Бекку, осторожно проводит пальцами по позвонкам, и мне вдруг приходит на память УЗИ, инопланетянские снимки зародыша, где виден только формирующийся череп и позвоночник, похожий на серебряное ожерелье, запах в кабинете акушерки, рука Каролы – прохладная и чуть влажная – в моей, она только что сбрызнула руки антисептиком после туалета и сбора мочи на анализ; я помню слезы, помню все, и еще то, другое: черно-белый снимок, легкое отвращение, нечеткая, словно похмельная смесь тревоги и дурноты, «... *еще даже не зародьши, просто эмбрион пока что*, – говорит акушерка, – *два сантиметра*»; об этом я никогда не смогу ей рассказать.

– Просто казалось, этого как-то... мало, – говорю я со вздохом. Встаю, устав сидеть в грязи на перроне, запихиваю бутылочку в карман шортов. – Дома, детей. Тебя. Должна быть в жизни еще какая-то цель, кроме конфет, и сериалов,

и попыток сбросить вес, и планов на отпуск, и мысли «скорей бы выходные», и перелистывания страниц в телефоне, и раз в пять лет кулинарных экспериментов с азиатской кухней или походом на винную дегустацию, и фантазий о доме, на который у нас не хватит средств, о машинах, на которые у нас не хватит средств, и красивых садах, на которые у нас не хватит средств, должно же быть что-то, кроме блинов с вареньем, макарон и вегетарианских рагу, нытья по поводу клининговой конторы, вызванного для починки мастера и детских школ; слишком мало просто набить холодильник, морозилку, буфет или попробовать вместе посмотреть порнуху после выпитых тобой трех бокалов вина, и при этом ты все равно сочтешь увиденное там слишком грубым и гадким, ты бы предпочла массаж при свечах и подыскала какой-нибудь долбаный спа-отель со скидкой буднего дня – мне всего этого мало.

Я перевожу дыхание. Она сидит тихо, вжавшись лицом в щечку Бекки, зарывшись носом и зажмурившись, мне плохо видно ее лицо, я думаю, что она плачет, хнычет, хлюпает носом, но когда она поворачивается ко мне, я вижу улыбку.

Она улыбается:

– Дидрик, это все слишком банально даже для тебя. У нас трое детей, мы женаты пятнадцать лет, и ты хочешь меня бросить, потому что тебе... *скучно*? Ну знаешь...

У меня кружится голова, рана зудит под повязкой, солнце высоко в небе, и жара на перроне становится невыносимой,

мне нужно воды, Вилья должна бы уже вернуться с ней, а я сижу тут и выкладываю Кароле самое сокровенное, в то время как она обращается со мной как с идиотом.

– Карола, пожалуйста... Я понимаю, что мои чувства не имеют для тебя почти никакой ценности, но...

Она смеется:

– Прекрати. Просто прекрати. Да, нам обоим за сорок. Да, мы ведем скучную жизнь представителей среднего класса, у нас вилла в пригороде, ты храпишь, у меня целлюлит, а ты, блин, чего ждал?

– Большого, – жалобно отвечаю я. – Не знаю. Просто... большего.

Пара нашего возраста поднимается на перрон в дальнем его конце – папа несет на груди тяжелую сумку, мама везет маленькую прогулочную коляску с плачущим младенцем, резкий писк слышен издали, у ребенка раскрасневшееся личико, маленькое тельце сотрясается как от спазмов, это не обычный недовольный детский плач, тут что-то другое, болезненное или травматичное, папа идет сквозь толпу и что-то спрашивает у людей, присаживается на корточки, низким голосом настойчиво говорит что-то, долговязый, но осанка хорошая; когда он встает в очередной раз и продвигается дальше, видно, насколько он изнурен, через пару метров он опять присаживается на корточки, что-то есть в нем неуловимо знакомое.

– Наверное, еще и все это дерьмо, – говорю я, обводя ру-

кой царящий на платформе беспорядок. – Жизнь утекает, и совсем другое дело, если тебе есть к чему стремиться, пусть бы нам с тобой перепало немного роскоши, когда нам перевалит за пятьдесят или шестьдесят, но ведь этого не будет, так? Вот такая теперь жизнь, а дальше будет только хуже. Вообще все. В лучшем случае мы можем надеяться, что умрем, прежде чем станет совсем невыносимо. С жарой, водой, едой. Что сможем заставить общество функционировать еще несколько лет, пока очередная пандемия опять не парализует все вокруг. Что нам не придется питаться насекомыми. Что расисты и всякие психи не получат еще больше власти в этом мире. Что у нас дома будет кофе.

Пара с коляской движется по перрону в нашу сторону, младенец вопит так громко, что я едва себя слышу, хотя они еще метрах в пятидесяти от нас.

– Да и, вообще говоря, ничего страшного не случится, не беда, если человечество придет к краху, во всяком случае не с космической или эволюционной точки зрения, планеты не исчезнут, жизнь тоже, в ближайший миллион лет уж точно, это только у нас нет никакого будущего.

Я смотрю на спящую Бекку, на ее непроницаемое личико – веки вздрагивают, ей что-то снится, – я читал, что грудные дети видят много снов, больше, чем взрослые, но никто, разумеется, не знает, о чем они, у них не спросишь после пробуждения, никто никогда так об этом и не узнает, это одна из величайших тайн жизни.

– Так что я хочу наслаждаться. Хочу жить на полную катушку. Потратить все до последнего эре³⁷. Не хочу больше ни одного дня израсходовать впустую на жизнь, которая мне не нравится. Глупо ждать, пока что-то станет лучше. Не станет. Мир теперь вот такой. Не стыдись того, что ты человек. Гордись этим.

Она качает головой:

– Это не ты, Дидрик. Это кто-то другой говорит.

– Да, это Тумас Транстрёммер.

– Ты понимаешь, о чем я.

Я как раз собираюсь ответить ей что-то хлесткое, но в этот миг мы слышим поющий свистящий звук, который исходит от рельсов, слабый гул, идущий издалека, а потом видим поезд, мчащийся с севера, не один из тех новых, тупоносых, поблескивающих серебром, а этакую старую модель; большой, черный, угловатый, он с громоуханием подползает к платформе, как дурное воспоминание, последнее облако пепла из потухшего жерла вулкана.

– Вилья, – вырывается у Каролы, и мы оба оборачиваемся в сторону парковки, к столу, за которым стоят волонтеры с бутылками воды.

Ее там нет.

Я вскакиваю, прочесываю взглядом весь ее путь: по перрону, вниз по маленькой лесенке, мимо станционного здания и на парковку. Тщетно.

³⁷ Разменная монета в Швеции, была изъята из оборота в 2010 г.

Ее там нет.

Поезд останавливается перед нами со скрипом и лязгом, от него пахнет ржавчиной, пылью, старой резиной. Через окна я различаю силуэты, давку; похоже, дети сидят на руках у взрослых, некоторые пассажиры, кажется, стоят в проходах. Двери не открываются.

– Вилья! – кричит истошно Карола, но крик тонет в сотнях голосов людей, которые внезапно бросаются к поезду; где-то плачет ребенок, лает собака, кругом возня, шуршат колеса и перетаскиваемые вещи.

Я уже бегу, лавирую в людской массе в противоположном направлении, миную пару с кричащим ребенком, долговязый, который кажется мне знакомым, сияет и произносит:

– *Привет, Дидрик!*

Но я не снижаю скорости, продолжаю двигаться в сторону парковки к столику с водой сквозь стену грязных тел, спешащих к поезду, но там уже никого нет, я рыскаю взглядом, подпрыгиваю для лучшего обзора, раз за разом кричу:

– *Вилья!*

Кое-кто из проходящих мимо рассеянно поднимает на меня глаза, но большинство, кажется, едва ли замечает, что я стою тут и выкрикиваю имя своей дочери. Делаю несколько шагов по идущему слева переулку, пересекаю его, бегу назад и заскакиваю в переулок справа, перехожу небольшой перекресток, снова кричу: – *Вилья!* – Думаю, что, наверное, пропустил ее, она прошла как-то в обход, бросаюсь назад, но

двигаться в одном направлении с толпой получается гораздо медленнее, когда бежишь в другую сторону, прокладываешь собственный путь, а теперь мне приходится толкаться, занимать чье-то место, с силой протискиваться мимо чужих коленей, локтей, плеч обратно на перрон, я ныряю в просвет – воздушный коридор, который образовался по одну его сторону, когда вся толпа хлынула к поезду, я несусь назад, опять мимо той же пары.

– *Привет, Дидрик, узнаёшь меня?*

Вот уже и Карола, она держит Бекку, в руке телефон.

– *Она не отвечает, ты ее видел?*

Я, задыхаясь, трясую головой, она пропала, она пропала.

– Дидрик!

Опять тот мужик, сумка тяжелым грузом висит у него в руке, за ним стоит женщина с коляской и ребенком, который, кажется, поутих, маленькое личико все еще красное от крика, у женщины заплаканные глаза, на мужчине заношенная футболка с Брюсом Спрингстином и американским флагом, красный и синий цвета после многих стирок превратились в розовый и серый.

– Дидрик, это я, Эмиль. – Он приветливо улыбается и протягивает свободную руку – ладонь широкая, рукопожатие жилистое, сильное: – Двоюродный брат Вильяма. Мы же виделись на свадьбе.

Свадьба Вилли? Это же года три прошло, если не все пять. Двоюродный брат, который организовал мальчишник чуть

раньше тем летом, чудесно все устроил в даларнском лесу в летнем домике на берегу маленького озера, с сауной, виски на рассвете, никаких стриптизерш и блевательных ведерок, как в былые времена, когда всем было под тридцатник; в тот раз было просто уютно, зрело, атмосферно; славный парень, вроде как директор школы где-то в тех краях, Вилли надрался и дразнил его *директор-директорум*, и это было так по-детски, но в то же время забавно, мы сидели кружком вокруг костра и жарили на огне целого кабана, пировали, как первобытные люди, окунали куски мяса в большие пластиковые контейнеры с беарнским соусом³⁸ и ели руками, а *директор-директорум* со своим двоюродным братом только ржали без остановки, хватались за гитару («*доставай-ка плектр, директорум-директор*») и играли старые песни Боба Дилана, «Роллинг Стоунз» и U2, мы пели, пока бутылка переходила по кругу вокруг костра; «*мертвые белые мужчины*», – сказала про нас Карола, скорчив рожицу, когда в воскресенье я вернулся домой и курил, воняя перегаром; «*мертвые белые мужчины*», а потом он был ведущим на празднике, и я помню, что он ей понравился – на следующий день, пока ехали на машине домой, мы сошлись на том, что он славный, с ним весело, держался он непринужденно, при этом не слишком акцентировал на себе внимание, из тех, кто «*притягивает людей, такой олдскульный милый парень*», – сказала Карола, – *уж и не веришь, что такие вообще бывают на свете*».

³⁸ Яично-масляный соус французской кухни, очень популярен в Швеции.

– О, привет, Эмиль! Как жизнь?

Последняя фраза звучит почти иронично, он еле заметно улыбается и закатывает глаза:

– Порядок. Ты как? Погряз в работе?

Я невольно смеюсь, под ребром начинает колоть. Он кивает в сторону моей жены:

– Карола, верно? Вот черт! У вас, похоже, что-то стряслось?

– Старшая девочка куда-то подевалась, – отвечаю я, и когда облекаю случившееся в слова, это помогает мне немного расслабиться, внезапно все кажется не таким опасным, вдруг становится как-то легче, – пошла за водой и вот пропала.

Эмиль возводит глаза к небу:

– Возраст такой. А как у вас дела, помощь какая-то нужна?

Они с мамой ребенка – как там ее зовут, Ирма, Инес? – установили рядом с нами свою коляску, прямо посреди потока людей, которые теснятся вокруг поезда, хотя его двери все еще остаются закрытыми, кто-то кричит «откройте», раздается какое-то громыхание, но ничего не происходит.

– Не понимаю, куда она запропастилась, – произносит Карола, губы у нее дрожат, взгляд блуждает в поисках утешения, – мы с Дидриком тут... беседовали, а она ушла и... теперь...

– Но лапушка, – говорит женщина. – Ида?

Он приобнимает ее одной рукой.

– Тут же повсюду такая, типа, неразбериха. Нас эвакуировали этой ночью из Орсы. Это ж, блин, дурдом какой-то.

Эмиль косится на мою повязку:

– А с тобой что стряслось, все в порядке?

– Да-да.

– Пожар или еще чего?

Я киваю.

– Ни хрена себе.

В толпе волнение, вибрация, голоса стихают, я вытягиваюсь и вижу, что одна из дверей открылась и из нее появилась грузная приземистая женщина в темно-синей униформе, она стоит на верхней ступеньке лестницы и наклоняется вперед, чтобы ее было видно:

– Все, кто направляется в СТОКГОЛЬМ...

Мощный, резкий, идущий из глубины голос, терпеливый и безразличный тон человека, привыкшего выдавать минимум информации.

– Внимание всех, кто направляется в СТОКГОЛЬМ, этот поезд предназначен ТОЛЬКО для тех, кто путешествует с МАЛЕНЬКИМИ ДЕТЬМИ.

Ее голос мгновенно тонет в потоке вопросов, возражений и просто недовольных выкриков, кричат и стонут мужчины, но женщина только улыбается в ответ и повторяет свое объявление три или четыре раза подряд.

– Ладно, во что она одета? – Эмиль задает вопрос спокойно, авторитетно.

– Кто?

– Твоя дочь. Расскажи, как она выглядит, и мы отправимся на ее поиски, ты и я, а девочки побудут здесь с детьми, хорошо?

– *Сейчас откроем двери в вагоны, мы хотим, чтобы после этого в поезд действительно сели ТОЛЬКО те, кто путешествует с МАЛЕНЬКИМИ ДЕТЬМИ.*

Двери открываются, я подаюсь чуть вперед, чтобы лучше видеть происходящее; внутри полно народу, даже в темном тесном пространстве у самых дверей, у туалетов и полок с сумками; одна женщина сидит, держа на коленях плачущего мальчика, я ощущаю жаркий поток воздуха изнутри вагона; мальчик раздет по пояс, кожа блестит от пота, женщина смотрит на перрон потухшим взором, в руке у нее банка варенья и ложка, она сидит и кормит ребенка вареньем, я отвожу взгляд.

– Да, в общем, было бы просто супер, Эмиль, но вы разве не собираетесь тоже на поезд?

Он улыбается и пожимает плечами:

– Ничего. Мы с радостью поможем.

Женщина – Ирен? – вздыхает, переводит взгляд, она как будто смотрит на мою ширинку.

– Мы не едем этим поездом, – произносит она скованно. – Очевидно, проживем в одном из кемпингов.

– В том, что у озера? – с нарочитым энтузиазмом подхватывает Карола. – Мы ночевали там сегодня, в целом вполне

неплохо.

Повисает подозрительная тишина, женщина ничего не говорит, я тоже молчу, мы выжидательно смотрим на них, женщина вынимает ребенка из коляски, он снова начал кричать.

– Ему всего три месяца, – произносит она, чуть повышая голос, чтобы перекричать детские вопли. – Я не кормлю грудью. А смеси для вскармливания у нас не осталось. В кемпинге сказали, что выдают смесь только грудным младенцам, которых привозят без сопровождения родителей.

Эмиль виновато улыбается:

– Мы пытались объяснить, что у Исы был рак груди и все такое, но они там все реально *помешаны* на бюрократии. Магазин, судя по всему, тоже закрыт, кто-то пытался вломиться туда ночью.

Женщина снова бросает взгляд на мою ширинку, я рефлекторно подтягиваю шорты, быстро ошупываю гульфик.

Нет. Она смотрит не на ширинку.

Она смотрит на мой карман. На рожок.

– У вас, конечно, не найдется?.. – Эмиль говорит все так же непринужденно, будто салфетку просит. – Они нам сказали пойти сюда на станцию и поспрашивать – *«может, найдете, у кого одолжить»*. – Он, посмеиваясь, качает головой, как будто сам с трудом верит тому, что говорит. – А я такой: *ни фига себе, это что тут, типа, теперь повелитель мух или что вообще за фигня*, а они ответили, что люди, мол, точно помогут. – Он снова издает смешок и закатывает гла-

за: – Поэтому-то мы и здесь. Представь, вот засада.

Карола, стоя рядом со мной, крепко прижимает к себе Бекку.

– У нас смеси на два раза, – говорит она. – Ровно до Стокгольма.

Женщина окидывает ее немим взглядом влажных глаз.

– Ваш даже не кричит, – произносит она. – Вилмер орет со вчерашнего вечера. Мы пробовали давать ему обычное молоко, но его от этого только рвет.

Ребенок у нее на руках истошно вопит, маленькое тельце неподвижно лежит в объятиях, движется только лихорадочно красное лицо с застывшими глазами без слез, рот широко открыт, животный пронзительный крик, а ведь так и есть, ребенок – это же неразбавленный инстинкт в умильной упаковке.

– Лады же, да, Дидрик? – Эмиль склоняет голову набок, протягивает руку и пожимает мое плечо, я думаю о том, как наблюдал за ним некоторое время назад, как они шли по перрону и побирались – ходить в таком вот месте и выпрашивать у незнакомцев еду для собственного ребенка, что может быть хуже; я думаю о детской сумке-органайзере, о четырех ложках сухой смеси, которые, если развести в горячей воде, превратятся в пятьдесят миллилитров заменителя грудного молока.

Я делаю глубокий вдох:

– Если мы отдадим вам половину того, что у нас есть...

– Правда, Дидрик? Блин, как же круто! Тогда Иса с Вилмером смогут поесть прямо здесь, а мы сбегаем поищем твою старшую девочку, ведь так? Просто супер! – Он произносит это скороговоркой, пытается промчаться сквозь фразу, но теперь я замечаю искорку отчаяния в его глазах, голос стал чуть пронзительнее, как гитарная струна, которую медленно натягивают, повсюду вокруг нас стоит народ, топчется, толкается, люди пихают друг друга, чтобы залезть в переполненный поезд, я трясую головой:

– Послушай. Если мы отдадим вам половину того, что у нас есть, вы покормите сейчас своего ребенка, но он снова проголодается через четыре часа. А мы будем заперты в поезде, и через четыре часа у нас тоже не будет никакой еды.

Эмиль тарашится на меня, продолжая улыбаться:

– Так, значит, ты говоришь, что лучше ваш ребенок наложится до отвала в поезде по пути в Стокгольм, где вы сможете зайти в ближайший магазин, а мой пусть сидит здесь и орет от голода? Так ты рассуждаешь?

Я вздыхаю:

– Может, попробуете что-то другое придумать? Умереть-то он точно не умрет.

Карола стоит вплотную к той женщине, пытаясь утешить ребенка у нее на руках, она взяла одну из игрушек Бекки, розовую с оранжевым штифтом из биоразлагаемого пластика, которая может пищать и мяукать, и машет ею перед плачущим личиком, мамаша лишь смотрит на нее почерневши-

ми глазами.

– Чего вы хотите? Денег? Чего-то из вещей? – Эмиль засовывает руку в брючный карман и вытягивает оттуда часы, ремешок из черной кожи, циферблат серебристого цвета, я ничего не знаю о часах, эти могут стоить состояние, а могут оказаться полным барахлом, и я просто снова мотаю головой:

– Эмиль, это все ужасно, но, черт, короче, каждый должен отвечать за своих детей, так все устроено.

Он подходит на один шаг, высокий, точно выше меня сантиметров на десять, за белозубой улыбкой я вижу усталое, грязное лицо подавленного человека, берет на руки вопящего младенца и выставляет его передо мной.

– Дидрик, твою мать. – Голос его дрожит. – Твою мать, блин, посмотри сюда. Давай же, мать твою. Ты же слышишь, как он кричит.

– Надо было получше все продумать, – запинаясь, говорю я.

– Пойдем, Эмиль, мы уходим, – зовет его женщина, но он, похоже, даже не слышит, наклоняется ко мне, ножка ребенка подергивается прямо у моего живота.

– Знаешь, что про тебя в Сети пишут, а? – В голосе сквозит отвращение. – Ты тут разъезжаешь по округе и грабишь летние домики. Молодец, что *лучше продумал*. Поздравляю. Вот правда.

Рана саднит, ноги болят, я пытаюсь игнорировать его,

смотрю на перрон за спиной Эмиля и внезапно вижу худенькую фигурку, копну светлых волос, рюкзачок со Спайдерменом, она стоит к нам спиной, не видит нас в давке, пытается пробиться вперед, может, думает, что мы сели в поезд без нее, что оставили ее одну посреди этого дерьма, *ах малышка моя хорошая*, и уже было открываю рот, чтобы окликнуть, как вдруг она оборачивается и оказывается подростком с пушком пробивающихся усиков, который кричит что-то своему отцу, стоящему рядом, и я снова разваливаюсь на части.

– Заткнись, – выдавливаю я, борясь с подступившими слезами. – Приходишь сюда и делаешь вид, что горишь желанием помочь, хотя на самом деле просто хочешь забрать еду нашего ребенка. Ты чертовски жалок.

– Эмиль, – повторяет женщина и устремляется по платформе прочь, малыш орет, хрипло, пронзительно. – Все в порядке, Эмиль, мы найдем кого-нибудь другого.

Лицо Эмиля приближается вплотную к моему. От него разит дымом и энергетическим напитком.

– Твою мать, как же я надеюсь, что твою дочку изнасилуют.

Не дожидаясь ответа, он идет дальше с вопящим ребенком на руках.

Карола кричит что-то ему вдогонку, я не слышу что, может, это просто визг, нечленораздельный вопль, я протягиваю к ней руку, она стоит, прижав к груди Бекку, оборачива-

ется ко мне: *«Ты слышал, что он сказал, черт, ты слышал, что он сказал про Вилью»*, – а я киваю и шепчу ей: *«Ш-ш-ш, он ушел, плевать на них, – но ее трясет от шока, она рыщет глазами по толпе незнакомцев в поисках Вильи, Зака, я крепко прижимаю ее к себе, – плевать на него, у него крышу снесло, такое бывает, они ушли»*; так мы и стоим, с Беккой, зажатой между нами, маленькое спящее тельце, тихое дыхание, а Карола всхлипывает: *«Пожалуйста, Дидрик, нельзя, чтобы было так кошмарно, Дидрик, вытащи нас отсюда сейчас же, черт, черт, я больше так не хочу, не хочу тут больше, пожалуйста, Дидрик, что мы вообще будем делать, черт побори?»*

– Уедем отсюда на поезде, – отвечаю я невпопад. – Бекке надо уехать из этого места.

– Зак и Вилья.

– Они остались где-то там. Мы их отыщем. Но Бекка без нас не справится.

Карола плачет, тихо и некрасиво, сопли стекают, губы чуть касаются щеки Бекки, она целует ее ушко, нежный хрящик.

– Я не могу, – беспомощно выговаривает она. – Не могу оставить своих детей.

Я киваю:

– У нас есть регистрационный номер машины, на которой увезли Зака. Во всяком случае, половина номера. А Вилья вряд ли ушла далеко. Если поедешь домой с Беккой, я оста-

нужь здесь и найду старших. Мы наверняка сможем уехать дневным поездом, и уже вечером все встретимся дома. И сумеем как-нибудь собрать вещи в Таиланд или купим все по прилету.

Она морщится, шмыгает носом:

– А теперь ты начинаешь.

– Что начинаю?

– Говорить так, словно все как обычно. Говорить, что мы приедем домой. Суши-бар. Скалодром. Таиланд.

Я вздыхаю:

– Надо хотя бы попытаться. В смысле, сохранить надежду. Думать, что все будет хорошо.

– Или не надо, – отвечает она неожиданно спокойным тоном. – Наши дети пропали. Ты облажался. Влез в чужой дом, а теперь еще сядешь за это. Нам негде жить, и ни черта мы не поедем ни в какой Таиланд. Сплошной бардак.

На перроне становится свободнее, те, у кого нет маленьких детей, в большинстве своем перестали пытаться влезть в поезд, а те, кто едет, похоже, разместились по вагонам, больше не нужно повышать голос, чтобы расслышать друг друга, толпа схлынула, и теперь я замечаю, насколько устал, бесконечно устал от всего этого; я киваю на поезд.

– Бекка, – говорю я. – Мы должны позаботиться о Бекке.

– Да, – отвечает она. – Верно. И правда должны.

– Мне пойти с тобой в вагон? Помочь найти место.

Она медленно мотает головой:

– Нет, Дидрик.

– Ладно, но будь готова к тому, что там дикая давка, попробуй переговорить с кем-нибудь, чтобы Бекке...

– Нет, – повторяет она. – Дидрик. Послушай. Я не еду.

Я ошарашенно смотрю на нее, она прячет глаза, уставилась в одну точку за моей спиной, не зная, как продолжить.

– Я не могу бросить здесь Вилью с Заком. А ты... Думаю, лучше, если ты...

Фраза повисает в воздухе, и смысл ее слов постепенно доходит до меня. Я слышу, что где-то лает собака, это все та же или другая?

– Ты не справляешься, – продолжает Карола. – Понимаешь, нет? Ты с этим не разберешься. Со всем этим дерьмом так точно.

Я хочу возразить, открываю было рот, потом закрываю, вспоминаю, как мы шли вчера, долгие часы под палящим солнцем по пути в Эстбьёрку, или Ованмюру, или в никуда, вспоминаю квадроцикл, сверкающего оранжевого жука, вспоминаю дым, панику, страх в глазах Зака, когда я бросил его на заднее сиденье к двум чужим мальчишкам и позволил уехать, *боже мой, как я мог позволить им забрать моего сына, о чем я думал, почему никто меня не остановил?*

– Не-а, – только и могу ответить я. – Не, пожалуй что, не смогу.

Дальше все происходит очень быстро, она перепаковывает сумки, берет мой рюкзак «Фьелльрэвен» и на автомате пере-

кладывает все вещи Бекки в сумку-органайзер, показывает мне, куда убрала последний подгузник, где лежат салфетки, мазь для промежности, запасная одежда, желтый формуляр с показателями ее роста, кривыми веса и календарем прививок; меня, как всегда, поражает, насколько мало я знаю, как плохо ориентируюсь, это ведь мой ребенок, и я считаю себя вовлеченным папой, но всякие мелочи в этой младенческой головоломке оказываются в ее ведении, и так было всегда, я думал, что с третьим ребенком будет как-то иначе, но все, конечно, осталось по-старому, и в какой-то момент я принял это, так оно устроено, а мы такие, какие есть.

Карола держит Бекку, прижимает свою щеку к ее, дочка крутится, начинает пробуждаться, и она стремительно передает малышку мне, произносит какие-то привычные слова утешения, баюкает, а мне обещает сообщить, как только что-то узнает.

Потом вешает органайзер мне через плечо, скованно улыбается и быстро гладит мою повязку, я жду поцелуя, но не получаю его и понимаю, что так оно теперь и будет, мы больше не вместе, вот сейчас все и происходит, сейчас, когда она прощается и разворачивается, удаляется по перрону, спина прямая, походка целеустремленная, она полна жажды действия, и никогда еще я не восхищался ею так, как теперь, никогда не переполняла меня такая гордость за то, что она моя, как в тот миг, когда я осознал, что она больше не моя, и я кричу ей вслед: *«Просто кто-то подложил бомбу в ав-*

томобиль!» – но она не оборачивается, может, не слышит, надеюсь, что так, что она просто не слышит меня.

Я стою один на перроне в Реттвике, все еще утро, зной испарениями поднимается от царящего здесь сухого гравия, бетона, металла. Я надеваю рюкзак-переноску и закрепляю Бекку у себя на груди, теплое тельце ерзает, она трется мне об плечо, голая ножка бьет по животу. *«Теперь только мы с тобой остались, солнышко, – шепчу я ей и взбираюсь в вагон, вхожу в давку, вонь, жару, маленькая цепкая ручка дерет мои волосы и то пятно ожога, что не прикрыто повязкой, – теперь только мы с тобой».*

* * *

С точки зрения устойчивого развития, худшее, что мы можем сделать – хуже, чем выкидывать еду за два дня до истечения срока годности, хуже, чем трижды в год летать в Австралию, хуже, чем покупать одежду исключительно чтобы покрасоваться или от скуки, – это завести ребенка. Каждое человеческое существо – огромная обуза; это тело, которое нужно сначала родить, а потом согреть, перевозить, приводить в порядок и развлекать в течение девяноста лет. Можно поспорить, сказав, что дети нужны для выживания человечества, но планета уже перенаселена и нет недостатка в детях, которых можно усыновить, о которых можно заботиться и с которыми можно проводить время, если у тебя есть такая

потребность.

Но размножаться и заводить собственного ребенка, биологическое потомство, проживая в Швеции, значит, производить выброс углекислого газа, который просто-напросто невозможно мотивировать, ссылаясь на какие-то там сентиментальные идеи продолжения рода.

Заводить второго ребенка? До смешного эгоистично.

Третьего? Абсурдно. Безумно. Неприкрытый климатический садизм. Каждую неделю в Средиземном море тонут младенцы, когда их отчаявшиеся, ошалевшие от паники родители пытаются выбраться из адского пекла северо-африканской пустыни, младенцы подрастают в лагерях беженцев в Греции, Италии и Турции, младенцев хоронят заживо в варварских условиях на Ближнем Востоке, младенцы медленно задыхаются и умирают от смога в Пекине и Нью-Дели, младенцев зарубают мачете обдолбанные дети-солдаты в Конго ради того, чтобы колтан³⁹ не дорожал и автомобильные компании могли и дальше сдерживать цены на электрические внедорожники, а ты смог завести троих *собственных* детей?

Но я это обожал. Нагло, бесстыдно. После всех мытарств с Вильей и Заком, после многих лет жесткой экономии, уни-

³⁹ Колумбит-танталин (сокращенно колтан) используется для изготовления электролитических конденсаторов, широко применяется в электронных устройствах. 60 процентов мировых запасов колтана сосредоточено в Конго. Его добычу в стране связывают с целым рядом нарушений прав человека, включая детский труд.

зительных кредитов, зарплатного рабства и нескончаемых угрызений совести из-за того, что не стал тем, кем хотел когда-то стать, после того, как наш брак развалился, после пандемии, после всего, через что мы прошли, мы оказались один на один с этой беременностью, с которой не знали, что и делать, с ребенком, на появление которого ни один из нас не рассчитывал, в мире мглы и пустоты, мире, где отовсюду щерятся фальшивые улыбки зла, глупости и уродства, да и вообще, знаете, сколько в наши дни стоит одна упаковка подгузников?

И мы сказали *да*. Мы сказали *да* третьему ребенку, что нам было терять, ребенка, разумеется, который, согласно общепризнанным научным исследованиям будет стареть в апокалиптическом кошмароподобном хаосе, таком, какой мы сейчас и представить не можем, но люди рожали детей во все времена, несмотря на голод, войны, эпидемии; в Зимбабве средняя продолжительность жизни тридцать пять лет, а они там все равно детей заводят, у берегов Новой Гвинеи есть группы островов, которые в скором времени поглотит океан, а люди и там детей заводят; ее поколение полностью откажется от ископаемого топлива, это они понесут дальше знания, усвоенные еще в детском саду, не будут пытаться улизнуть от ответственности, их жизнь станет непрерывной борьбой за сохранение нашей цивилизации, насколько это возможно; и мы могли бы подготовить ее к этому, собственно, так мы и рассуждали, мы могли бы воспитать из нее умного, поря-

дочного, способного принять на себя ответственность сознательного гражданина.

Вероятно, мы рассчитывали, что она успеет немного подрасти.

Я сижу скрючившись на полу в вагоне, меж рядов кресел, повсюду теснится народ, по два-три человека на кресло, туалеты затопило, и моча сочится из-под дверей, я держу Бекку на коленях и пытаюсь играть с ней в песенки-потешки, но на ум приходят только *«Паучок-малютка»* и *«Сидел бельчонок на сосне»*, я чувствую, как старый поезд движется вперед, медленно, тряско; если посмотреть вверх, то видно лишь узкую полоску неба в окне, совсем чуть-чуть, и все же я испытываю невероятное облегчение от того, что мы в пути.

Вокруг нас воздух переполнен криками и воем детей, какой-то двухлетка ковыляет по вагону в памперсе, свисающем чуть не до колен, рядом со мной женщина с эмигрантской внешностью, широко раскрыв глаза от ужаса, пытается кормить ребенка грудью, прикрываясь платком, вплотную к ней – не менее нервный человечек в очках с толстыми стеклами, который перебирает что-то в полиэтиленовом пакете, несколько детей от пяти до семи лет играют, карабкаясь по спинкам кресел, хватаясь за перекладины багажных полок как за турники, поезд для них – словно полоса препятствий, игровой аттракцион, взрослые вяло и безуспешно протестуют, дети гоняются друг за другом, визжат и резвятся, а состав кренится на поворотах, я думаю, что Зак, будь он здесь, фан-

тазировал бы, что поезд направляется на небеса, под землю, в Хогвартс.

Я прикидываю, не сходить ли в вагон-ресторан, но какой-то сердитый старик, видимо, чей-то дедушка, в тот же миг возвещает на весь вагон, что в этом *бесовском* поезде, *так его растак*, нет ни еды, ни питья, он напишет правительству, он заявит в полицию на правительство, он напишет в газеты, и *«уж тогда попляшите, черти»*.

В тесноте среди сгорбленных тел, сидя на грязном протертом паласе, я пытаюсь улыбаться своей дочке, дую на ее голое тельце, стараясь подарить ей хоть немного прохлады, укачиваю ее у себя на коленях, напеваю песенки, пальцами изображаю паучка, который лезет то вверх, то вниз, правый большой палец соединяю с левым указательным, и наоборот, и так раз за разом, капает дождик, паучка смывает поток, выглядывает солнце, паучок снова лезет вверх, и опять то же самое раз за разом, забавно, почему я ни разу раньше не задумывался, что в песенке говорится об оптимизме, о том, чтобы никогда не сдаваться, о том, что тебя смывает, а ты лезешь вверх, смывает, а ты лезешь вверх, это бесконечный цикл смерти и возрождения; поезд мягко покачивает из стороны в сторону, и лужа испражнений из туалета начинает перетекать в вагон, я слышу брезгливое перешептывание взрослых за моей спиной, представляю, как палас впитывает мочу и дерьмо, сантиметр за сантиметром; *скоро окажусь в полном дерьме*, думаю я, усмехаясь собственной формулировке, *ско-*

ро буду по-настоящему сидеть в дерьме, но это нестрашно, выглянет солнце и просушит все вокруг.

* * *

– Эй, слышь.

Я взглядываю вверх.

– Эй.

Сколько я проспал?

– Слышь. Эй, ты. С младенцем.

Рослый мужчина, седые виски, гладко выбрит, в очках, на нем желтый жилет с отражающей лентой, у бедра пищит и бормочет рация, он наклонился надо мной и тычет мне в плечо мясистым пальцем, звук изменился, шум уличного движения резче, гул большего числа голосов, поезд стоит.

– Тебе выходить.

– Мы уже в Стокгольме?

Он добродушно мотает головой:

– Нет, но здесь вы переседаете в другой поезд. Мы так сейчас делаем, у кого детям меньше трех лет – хотя с этим не очень строго, – вас переводим в другой поезд.

От мужчины исходит слабый аромат лосьона после бритья, голос у него мягкий, но чувствуется, что он привык, чтобы ему подчинялись, я хочу выяснить, почему так, но кругом все, кто с грудничками, повставали с мест: высокий парень со спящим в переноске-кенгуру малышом, перепачканная

женщина с кричащим младенцем, завернутым в полосатую наволочку, эмигрантка взволнованно смотрит на своего мужа, он взволнованно смотрит на меня, а я пытаюсь улыбнуться в ответ и промычать что-то ободряющее; мы встаем, идем за надушенным лосьоном мужиком, протискиваемся, чтобы выбраться из пропахшего потом суетливого вагона вниз на перрон, здесь воздух другой, больше запаха асфальта, гравия, пыли, больше запахов города, меня чуть пошатывает на выходе из вагона, я пытаюсь плечом нащупать опору, Бекка выгибается у меня на руках, и я едва не теряю равновесие, но высокий парень протягивает руку, и вот я уже снаружи, моргаю на ярком свете.

– Здравствуйте! Можно задать пару вопросов?

Передо мной просто живое воплощение Мидсоммара – красивая молодая женщина со светлыми косами, в легком платье, с обильным макияжем, на высоких каблуках тянет ко мне микрофон с медийным логотипом, за ее спиной стоит оператор.

– Вы приехали прямо из Реттвика, верно? – Теплая, полная эмпатии улыбка. – Как бы вы описали *настрой* среди тех, кто избежал пожара?

Я тарашусь на нее. На перроне давка и хаос, журналисты, камеры, я знаю одного или двух из них, но еще там стоят и обычные люди, которые просто снимают происходящее на мобильники, а также плачущие дети, люди с написанными от руки плакатиками: «*ПЕРНИЛЛА СВЕНССОН*», «*ХУАНИТА*

КАНДИНСКИ», «ХАМПУС ЮРТ», «Вы видели МАРСТОНА 7 ЛЕТ???»), их взгляды буравят мое лицо в поисках хоть чего-нибудь, за что можно ухватиться, какой-то зацепки, – а женщина-Мидсоммар завлекательно улыбается, я ее не знаю, наверняка взяли на летнюю замену.

– Меня интересует, каковы *ощущения*, как человек себя *чувствует* после того, как побывал так близко к очагу пожара, который, вообще говоря... – она меняет интонацию, переключаясь с задушевной на торжественную, – ...который, вообще говоря, на сегодняшний день описывают как *самый страшный пожар, КОГДА-ЛИБО случившийся в Северной Европе*.

– Да... – Я откашливаюсь: – Да, это уж совсем ни к черту.

Бекка смотрит на нее, начинает что-то лепетать, временная сотрудница улыбается ей в ответ, с сияющим взглядом костяшкой пальца она аккуратно гладит Бекку по щечке.

– Как ее зовут?

– Бекка.

– Боже мой, какая лапочка.

– Мы, блин, вообще где? – Мой голос звучит как чужой.

– В Бурленге, – отвечает она. – В Бурленге. Вас разве не проинформировали?

Я мотаю головой:

– Нам просто сказали выходить.

– Правительство вмешалось в ситуацию и заказало вагоны из Германии, чтобы справиться с эвакуацией граждан. Что

вы об этом думаете?

– Я просто хочу домой.

– Вообще говоря, это случилось после того, как вчера один из поездов простоял четыре часа в Эстерсунде на жаре и троих детей пришлось госпитализировать, а сейчас поступили сведения о том, что двое скончались. Ваша реакция на это?

Левая рука ноет, я перекладываю Бекку в правую.

– Ну, что тут скажешь. Черт знает что.

Она лихорадочно кивает, но я больше ничего не говорю, и интерес, читавшийся на ее красивом личике, начинает чуть заметно угасать, вокруг накрашенных губок проступает слабая морщинка разочарования.

– Да, а сейчас, вообще говоря, уже более двухсот человек погибло в этой ужасающей катастрофе. Каковы ваши мысли о пострадавших, что должно сделать общество?

– Сделать?

– Да! Как мы можем защитить себя? – Я начинаю ее утомлять, она стоит и разминает ногу, осматривая перрон в поисках другого собеседника. – Я хочу сказать, вы же наверняка должны быть сильно разочарованы?

Меня разбирает смех, я склоняю голову чуть набок, отчего повязка становится заметнее, прижимаю к себе Бекку, хорошая получается картинка.

– Разочарован? С чего бы, потому что у меня машина сгорела и семья пропала, а половина волос и... то есть *разо-*

чарован? Нет, черт подери, не так, я немного *взбешен*, если начистоту, немного *прискорбно*, что половина Швеции превратилась в чертов гигантский костер, вы же это хотите сказать, нет? Это и правда *совсем не хорошо*, нас много, тех, кто *негодует* от того, что весь мир превратился в чертов ночной кошмар, вы же это хотите сказать?

Она смотрит на меня, в глазах снова вспыхивает блеск, а я как раз этого и хочу, хочу привлечь ее интерес, не желаю продешевить, хочу выдать контент, *пробить потолок*, как говаривал мой первый начальник, я не в силах противостоять жажде, шуму, голоду.

– *Эй? Дидрик?* – Сквозь гул пробивается чей-то голос. Темноволосая женщина небольшого роста, со стрижкой паж, в шортах цвета хаки и простой черной футболке, пару лет назад мы вместе работали в одном бюро. – *Дидрик? Черт, это и вправду ты.* – Худенькая, миниатюрная фигурка, запах пота. – *Черт, как у тебя дела-то?*

– Юссан. Давно не виделись.

– Я теперь в новостях. В климатической редакции⁴⁰. – Она словно не замечает временную сотрудницу и становится прямо перед ней. – Блин, ты вообще в курсе, что везде засветился?

– Извините, – недовольно вклинивается репортерша, – я

⁴⁰ Репортеры, чьей основной задачей является освещение проблем изменения климата, уже несколько лет есть во многих шведских медиа. Первая полноценная климатическая редакция появилась в 2019 г. в газете «Экспрессен», но через год была расформирована на фоне пандемии.

тут до вас была.

– Мы с Дидриком старые друзья, коллеги по прошлой работе.

– Дидрик? – молодая журналистка нахмуливает лобик.

Я киваю:

– Да.

Юссан сует мне свой мобильный и тараторит, стараясь перекричать всех:

– Дидрик, поговорим о случившемся, думаю, многим интересно знать, каково это, мы же с тобой вместе работали, на такие вопросы смотрим с одной точки зрения, так что если мы...

– Боже мой, Дидрик? – Временная сотрудница вытягивается на своих высоких каблуках и нависает над Юссан, которая ниже ростом и старше.

– Да?

– Это же вы? – Она прижимает ладонь к уху, вскидывает брови, делает глубокий вдох: – Да, да...

По тону я слышу, что она разговаривает с кем-то другим, потом разворачивается и косится на оператора, который показывает выставленный вверх большой палец.

– Да. Вот так. Дидрик. Я стою здесь, вообще говоря, с Дидриком фон дер Эшем, который только что прибыл в Бурленге со своей дочерью Ребеккой. Дидрик, позвольте задать вам вопрос о том, что вы думаете об обвинении вас во взломе и разграблении чужого жилья?

Юссан высвистала себе оператора, тот встает в сантиметре от конкурента, она спрашивает что-то, но я не слышу, обе говорят теперь наперебой, другие репортеры тоже тянут микрофоны, на меня направлены камеры, мобильные телефоны, как закрытые окна в другой мир, я выставляю перед собой Бекку, испытывая легкий стыд от того, что использую ее, но гораздо сильнее – чувство злости.

– Видите этого ребенка? Она оказалась на дороге, в дыму, кругом все горело, мы шли несколько часов подряд. Я вломился в чужой дом, чтобы спасти ее. Какие, к черту, *обвинения*, в чем? В том, что я пытался позаботиться о собственной семье, что я просто хочу пережить кризис, который общество десятилетиями пыталось отрицать? И о котором такие, как ты, беспокоятся, только когда люди умирают, когда все это дерьмо полыхает, когда появляется клеветная история, которую можно рассказать, а через неделю забыть о ней, и вот вы уже стоите и рапортуете о какой-нибудь перестрелке в Гётеборге или об афганцах, которые захватили какую-нибудь дыру в Блекинге, или еще о чем-то, это полный крах, будет только... только... – Я запинаюсь, закашливаюсь, чувствую внезапную вспышку боли под ребром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.